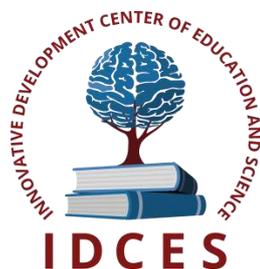

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Перспективы развития современных гуманитарных
наук**

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 декабря 2016г.)**

г. Воронеж

2016 г.

УДК 009(06)
ББК 6/8я43

Перспективы развития современных гуманитарных наук, / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г. **Воронеж**. 2016. 59 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Бойко Евдокия Семёновна (г. Красноярск), кандидат искусствоведения Бражникова Юлия Александровна (г. Усть-Каменогорск), кандидат филологических наук, доцент Бутусова Анжелика Сергеевна (г. Ростов-на-Дону), доктор философии, доцент Волосков Игорь Владимирович (г. Сергиев Посад), кандидат филологических наук Дмитриева Елизавета Игоревна (г. Москва), кандидат педагогических наук, докторант Коршунова Вера Владимировна (г. Красноярск), кандидат культурологии, доцент Николаева Елена Валентиновна (г. Москва), доктор искусствоведения, доцент Хватова Светлана Ивановна (г. Майкоп), кандидат филологических наук Чечелева Вера Николаевна (г. Москва)

В сборнике научных трудов по итогам III Международной научно-практической конференции «**Перспективы развития современных гуманитарных наук**», г. **Воронеж** представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области филологии, искусствоведения и культурологии, общественных деятелей и лиц, проявляющих интерес к рассматриваемым вопросам, Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

© ИЦРОН, 2016 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)	6
СЕКЦИЯ №1.	
ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)	6
СЕКЦИЯ №2.	
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)	6
СЕКЦИЯ №3.	
КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)	6
СЕКЦИЯ №4.	
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)	6
СЕКЦИЯ №5.	
ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)	6
СЕКЦИЯ №6.	
ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)	6
СЕКЦИЯ №7.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)	6
КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)	6
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)	6
СЕКЦИЯ №9.	
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)	6
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)	6
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)	6
СЕКЦИЯ №10.	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)	6
ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ И ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ: ПОПЫТКА ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО СБЛИЖЕНИЯ Казначеев С.М.	7
YURI KUZNETSOV AND OSIP MANDELSTAM: ATTEMPT SPATIO-TEMPORAL CONVERGENCE Kaznacheev S.M.	7
ПРОСТРАНСТВО ОКЕАНА (МОРЯ) И ЕГО ЗНАКОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «СНЫ ЧАНГА» Ковалева Т.Н.	15
«ЗОЛОТАЯ РОЗА» КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО В ВОСПРИЯТИИ КИТАЙЦЕВ (1959–1986 гг.) Ян Янь (КНР)	18
СЕКЦИЯ №11.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)	21

СЕКЦИЯ №12.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03).....	21
СЕКЦИЯ №13.	
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08).....	21
СЕКЦИЯ №14.	
ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09).....	21
СЕКЦИЯ №15.	
ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10).....	21
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ Осинцева Т. В.....	21
ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ОТРАСЛЕВОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПРЕССЫ Фролова Н.М.....	25
ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00).....	27
СЕКЦИЯ №16.	
РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01).....	27
ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СВЯЗНОСТИ В ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ СЕРЕДИНЫ И КОНЦА XVIII ВВ.* Герасимова И. С.....	28
ЛЕКСИКО-СЕМАНИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОБРАЗА КОНЯ КАК АТТРИБУТА КАЗАКА В КУБАНСКИХ КАЗАЧЬИХ ПЕСНЯХ Епатко Т. А.....	31
ИНВЕКТИВА КАК ЯЗЫКОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ Каракаш Е.И.....	35
ВТОРИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННЫЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ РЯДЫ В СТРУКТУРЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ Мелькумянц В.А.....	37
ОБЩЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ДУХОВНОЕ ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ: ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА СО СТУДЕНТАМИ-МЕДИКАМИ Салашник Т.В.....	41
СЕКЦИЯ №17.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02).....	44
СЕКЦИЯ №18.	
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03).....	44
СЕКЦИЯ №19.	
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04).....	44
РАБОТА С МЕНТАЛЬНЫМИ КАРТАМИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ Беляева И.Г.....	44
ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ОТЫМЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Панасюк И.В.....	46

СЕКЦИЯ №20.	
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)	49
ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ	
Хвостенко Т. А.	49
СЕКЦИЯ №21.	
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)	53
СЕКЦИЯ №22.	
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)	53
СЕКЦИЯ №23.	
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)	53
СЕКЦИЯ №24.	
ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)	53
СЕКЦИЯ №25.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (АНГЛИЙСКИЙ, НЕМЕЦКИЙ, РУССКИЙ И ЯКУТСКИЙ ЯЗЫКИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)	53
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ)	
Борисова Д. С., Павлова С. Н.	53
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2017 ГОД	57

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)

СЕКЦИЯ №2.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)

СЕКЦИЯ №3.

**КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)**

СЕКЦИЯ №4.

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО
И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)**

СЕКЦИЯ №5.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)

СЕКЦИЯ №6.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)

СЕКЦИЯ №7.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)

СЕКЦИЯ №9.

**МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)

СЕКЦИЯ №10.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)

УДК 82-1

ББК 84 (2Рос=Рус)6.5

С 55

**ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ И ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ:
ПОПЫТКА ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО СБЛИЖЕНИЯ**

Казначеев С.М.

доктор филологических наук, доцент, Литературный институт им. А.М. Горького

г. Москва, Россия

**YURI KUZNETSOV AND OSIP MANDELSTAM:
ATTEMPT SPATIO-TEMPORAL CONVERGENCE**

Kaznacheev S.M.

(Moskva, Russia)

АННОТАЦИЯ

В сопоставительной форме автор статьи проводит контаминацию личности и творчества двух таких разных поэтов, как Осип Манделъштам и Юрий Кузнецов. На первый взгляд, их личности и творчество предельно далеки друг от друга, являются едва ли не разнонаправленными векторами. Однако С.М. Казначееву удаётся отыскать множество точек их сближения и сопоставления. Детали биографий, авторские позиции, стилистические особенности, общий интерес к проблематике «Божественной комедии» Данте Алигьери обнаруживают черты если не сходства, то несомненной концептуальной близости. Теоретические гипотезы и предположения подкрепляются литературоведческим анализом и иллюстрируются выразительным цитатным рядом.

ABSTRACT

In comparative form the author spends contamination personality and creativity of two such different poets, as Osip Mandelstam and Yuri Kuznetsov. At first glance, their personality and creativity are very distant from each other, are hardly a multidirectional vectors. However, the S. M. Kaznacheev able to find many points of convergence and mapping. Details of biographies, the author's position, stylistic features, a common interest in issues of "The divine Comedy" by Dante Alighieri find features if not similarities, the undoubted conceptual proximity. Theoretical assumptions are supported by literary analysis, and illustrates the expressive quotations next.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сопоставление, современники, пространство, Данте, Ад, Петрарка, Хлебников.

KEYWORDS

Mapping, contemporaries, space, Dante, Hell, Petrarch, Khlebnikov.

Юрий Кузнецов и Осип Манделъштам... На первый взгляд может показаться, что две эти фигуры вряд ли сопоставимы в каком бы то ни было контексте; по крайней мере, с ходу тут невозможно обнаружить явственно выраженного сходства. По своему менталитету, по стилистике текстов, по творческому

темпераменту, по национальной окраске таланта они действительно очень разные авторы. Скрипично-духовой Мандельштам и монументально-органый Кузнецов представляются своеобразными полюсами поэтического пространства. Если у первого основная ставка сделана на метафору, то второй произвёл решительный выбор в пользу многомерного народного символа. Да и чисто в человеческом, психофизическом смысле они далеки друг от друга: импульсивный, порывистый, взрывной до истеричности Мандельштам и тяжеловесный, основательный, углублённый в себя (причём эту углублённость нередко принимали за угрюмство) Кузнецов... Сам Кузнецов, вероятно, был бы удивлён нашей аналогией, ведь в стихотворении «Бомж» его персонаж отзывается об «Осе Мандельштаме» с некоторым пренебрежением¹. Спорить с этими тезисами трудно, да и нет в том настоящей необходимости. Всё это справедливо, но...

Любому ценителю поэзии достаточно известны некоторое жеманство и книжность стихов Мандельштама, особенно в ранний период творчества:

Только детские книги читать,

Только детские думы лелеять... [7, 57]

Казалось бы, это входит в разительное противоречие с демонстративной суровостью Кузнецова:

Закрой себя руками: ненавижу!

Вот Бог, а вот Россия. Уходи! [4, 31]

Но, с другой стороны, первый стремился к преодолению этой ребяческой связи со взрослым державным миром. В стихотворении, по замыслу вполне литературном («Бессонница. Гомер. Тугие паруса...») мы встречаемся со строчками, которые вполне могли бы выйти из-под пера Кузнецова:

И море чёрное, витийствуя², шумит,

И с тяжким грохотом подходит к изголовью [7, 92] –

это уже не эстетский взгляд на мир, здесь перед нами, конечно, не туристическая Ялта и не санаторная Евпатория, а безлюдные откосы близ Керченского пролива, куда летела вослед памяти об отце душа Кузнецова. Второй же часто демонстрировал образцы нежности и православной мягкости, проявленные им, например, в поэме «Путь Христа».

Словом, при более внимательном рассмотрении становится ясно, что точек соприкосновения при коннотации двух непохожих авторов обнаруживается более чем достаточно, а временами и потрясающе много. Доказательству этого тезиса и будет посвящено данное сообщение. Попробуем же сконцентрироваться не на различиях, а на сходстве между собой столь непохожих личностей.

При всех колоссальных отличиях Кузнецова и Мандельштама роднит общее чувства глубокого, вселенского одиночества, сиротства в жестоком и равнодушном мире. У Мандельштама семейные, родственные чувства в принципе купированы; Кузнецова, о чём писалось сотни раз, всю жизнь мучила утрата отца-фронтовика. Но не только кровные связи, сама связь со внешним миром нередко ставится под вопрос и тем, и другим автором. Можно сказать, оба они остро чувствовали экзистенциальную пустоту и отъединённость (а в то же самое время – некое верховное предназначение!), оторванность от собратьев по перу, которых Кузнецов порой именовал «подделкой» и «другими», а Мандельштам по схожему поводу сетовал, что

с миром державным я был лишь ребячески связан...

И ни крупницей души я ему не обязан» [7, 151].

¹ Это пренебрежение, впрочем, следует соотносить не с самим Мандельштамом, а с теми многочисленными «ценителями» поэта, которые, мало что понимая в стихах, сделали из него моду.

² Это деепричастие, пожалуй, единственное, что тут осталось от прежнего Мандельштама.

Впрочем, тут есть и некоторое различие позиций: у Мандельштама на переднем плане всё-таки видна горделивая поза, высокомерное жреческое избранничество, преодолеть которое ему, в общем, не так-то уж и хочется. В 1924 году, скажем, Мандельштам с открытым недоверием к своему окружению писал:

Нет, никогда, ничей я не был современник,
Мне не с руки почёт такой.
О, как противен мне какой-то соименник³,
То был не я, то был другой [7, 140].

Спустя почти полвека, в 1971 году Юрий Кузнецов высказывается о собственной духовной изоляции, скорее с горечью, нежели с фанаберией, самолюбием или гордыней, причём в его словах сквозит неизбывная боль человеческой неприкаянности:

Я в поколенье друга не нашёл⁴,
И годы не восполнили утраты.
Забытое письмо вчера прочёл
Без адреса, без имени, без даты [3, 88].

Странное ощущение собственного – особенного – положения в мире сквозит во многих стихах обоих поэтов. Здесь нет ни самолюбования, ни гордыни, а скорее удивление тому обстоятельству, что судьбе было угодно наделить их особенным, требующим большой ответственности даром. Вот своими ощущениями делится юный Мандельштам:

Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?..

На стёкла вечности уже легло
Моё дыхание, моё тепло... [7, 59-60]

А вот как передаёт своё мироощущение представитель другой литературной генерации, также в молодые годы глубоко задумавшийся о своём месте в дольном мире:

Вчера я ходил по земле, а сегодня
Хоть бейте мячом – моё место свободно.

А в мире, я слышал, становится тесно...
Займите, займите – свободное место [4, 70].

Стоит ли говорить, что перед нами яркий пример сближения по строфике, темпоритму, самосознанию и экзистенциальному взгляду на жизнь и смерть! Характерно для обоих мастеров и ощущение разрыва естественных связей не только с современниками, но и с прошлыми поколениями людей.

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей [7, 153],

– писал Мандельштам в марте 1931 года. И тут трудно избавиться от впечатления, что под этими словами мог бы подписаться Юрий Кузнецов и в начале своего пути, когда его лирический герой пировал с

³ Ср., кстати, с известными строчками Ю. Кузнецова: «Звать меня Кузнецов. Я один, /Остальные – обман и подделка» [3, 205].

⁴ Аллюзия на слова Е. Баратынского.

классиками на Золотой горе, и в поздний период творчества, когда одним из основных мотивов его поэзии стало пессимистическое отношение к перспективам развития страны (См. сборник «До свиданья, встретимся в тюрьме», М., 1998).

Другая точка соприкосновения может быть отнесена к типу визуализации поэтических образов. И тот, и другой автор обладали большой изобразительной зоркостью, хотя у Мандельштама она была, пожалуй, более конкретная и пристальная, а у Кузнецова метафизически ретроспективная. В то же время призрачная, полупрозрачная оптика Кузнецова, которой была посвящена глава нашей книги «Современные русские поэты», сродни многим мандельштамовым строкам:

Умывался ночью во дворе, –
Твердь сияла грубыми звездами.
Звёздный луч, как соль на топоре,

Стынет бочка с полными краями...
Тает в бочке, словно соль, звезда,
И вода студёная чернее,
Чище смерть, солёнее беда,
И земля правдивей и страшнее [7, 126].

Зрительность, идущая от «кремнистого пути» Лермонтова пронизывает, пожалуй, в одинаковой мере художественный мир и того, и другого поэта. «Спектр поэзии Ю. Кузнецова не радужный, а скорее мерцающий, брезжущий, переливающийся, поблёскивающий в полутьме. В ущерб буйной пестроте в цветовой разноголосице поэт оставляет для себя только мощные, силуэтные, зачастую чёрно-белые, почти графические формы изображения:

От зноя в дымном воздухе иглится
Седая грань. Простор туманно-бел.
В горах сквозь мелко скрученные листья
Дымится глыба, отливает мел» [2, 212].

Мандельштам в этом отношении более метафоричен, всецело растворён в фактурных деталях, так что даже подчас и не поймёшь, о чём идёт речь:

И военной грозой потемнел
Нижний слой помрачённых небес,
Шестируких, летающих тел
Слюдяной перепончатый лес [7, 130].

А пишется всё о простых стрекозах. Кузнецов в этом отношении более приближен к реальности, более точен по сути, а не в материализации образа:

В кустарнике печёт и слышен плеск
Сухого зноя, трущихся потоков.
Слепит глаза и обжигает блеск
Воздушной толчеи, возникших стёкол [4, 55].

Ещё одна парадигма пространственно-временных коннотаций обнаруживается на материале, связанном с европейской историей и культурой. Оба поэта, отличавшиеся феноменальной начитанностью, усердно занимались переводами. Конечно, массив кузнецовских переводных текстов гораздо значительнее, только избранные переводы составили целый том («Пересаженные цветы», М., 1990). Но и его

предшественник внимательно взирал на европейских классиков и современников. Всё это не могло не отразиться на большой насыщенности их наследия европейскими именами и артефактами, не говоря уж о том, что каждому из поэтов принадлежит стихотворение под названием «Европа».

Юрий Кузнецов, ощущавший себя человеком евразийского пространства, тем не менее, раз за разом обращается к кладовой образов и символов Старого Света. Укоренённость его лирического героя в русском культурном слое не помешала поэту раз за разом вплетать в свою художественную палитру сугубо европейские краски и нюансы. Он в равной степени чувствовал свою принадлежность к обеим духовным родинам, и его душа от кремлёвской стены одновременно рвалась

К потёмкам ливонского края,
К туманам охотской волны [3, 122].

Максимальное раздвижение окрестного пространства и времени крайне характерно для Кузнецова. Гигантская тень Вадима Кожинова, удаляясь на Запад, с утренним светом возвращается с Востока, инвалиды войны вспоминают Сталинград и Варшаву, а рождённому от удара молнии младенцу поют

Про печали Мазурских болот
И воздушных святынь Порт-Артура [3, 177].

Можно сказать, что стрела, пущенная его Иванушкой, угодила не в болото, а в самый центр части света, что лежит к Западу от России. Впрочем, и из своего лба он тоже извлекает «золотую стрелу Аполлона» [3, 59]. Прометей и Люцифер, Овидий и Шекспир, Леди Макбет и античная Парка, Рузвельт и Черчилль, Франция-город и Елисейские Поля... впрочем, перечислять эти имена и топонимы можно до бесконечности, важнее понять, что Кузнецов был глубоко погружён в европейские культурно-исторические реалии и применял их в своих сочинениях не иллюстративно, а на уровне всё тех же многозначных символов.

Аналогичное отношение к Европе как к утраченной древней прародине, которую ныне нужно воскресить, вочеловечить или хотя бы оплакать⁵ (у Мандельштама мы видим не менее впечатляющую последовательность – Гомер, Федра, Notre Dame, Ариост, Оссиан, Бах, Бетховен, Моцарт, Шуберт, Бонапарт, Меттерних, «Домби и сын»... здесь тоже перечисление грозит обратиться в дурную бесконечность:

И Гёте, свищущий на вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами [7, 171]

У Кузнецова мы встречаем те же ассоциации: Гёте стегает его лирического героя хворостиной, а прохожий человек требует, чтобы Гамлета отдали славянам. Разумеется, поэты такого культурологического градуса не могли пройти мимо древнегреческой богини красоты и любви:

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись... [7, 62]

У Кузнецова миф о Киприде сначала сознательно травестируется:

Как из бешеной пасти явилась
Афродита... [3, 160],

но затем сияние от богини просвечивает даже сквозь мешковину, и она предстаёт перед нами в своём сверкающем облики:

На скале перед ним отразилась

⁵ У Кузнецова тоже говорится о том, что древние камни Европы суждено оплакать славянам [4, 147].

Даль морская до самой звезды,
И нагая богиня явилась
Из струящейся в пену воды [3, 161].

Разговор о европейских влияниях и аналогиях был бы не полным, если не вспомнить о такой центральной фигуре европейской классики, как Данте Алигьери. Среди стихов Мандельштама Рим, Флоренция и имя великого итальянца встречаются неоднократно:

Заблудился я в небе, – что делать?
Тот, кому оно близко, ответь!
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть... [7, 198]

Но осмысление этого феномена культуры происходит не только на образном, но и на категориальном уровне. В череде литературоведческих и критических опытов Мандельштама особняком стоит книга «Разговор о Данте», полная эссеистских прозрений и тонких наблюдений за «Божественной Комедией».

Мандельштам, в основном, ограничивается филологической сферой, не подозревая, по-видимому, что ему самому предстоит вскорости пройти по кругам самого реального ада... Там, где Кузнецов усматривал фигуральную связь с пространствами Востока, Мандельштаму предстояло на ментальном уровне испытать все перипетии собственной трагической судьбы: и пребывание в клинике для душевнобольных в шатурской Мещёре (Саматиха), и до сих пор непрояснённые обстоятельства смерти в застенках ГПУ на Дальнем Востоке... Ему суждено было на своём опыте убедиться, что жонглирование красивыми фразами вроде: «Ведь убийца – немножечко анатом. Ведь палач для средневековья – чуточку научный работник... Ад ничего в себе не заключает и не имеет объёма...» [5, 46-47] катастрофически далеко от обстоятельств земного бытия. Как сказал по другому поводу Кузнецов, «слишком поздно других он узнал. Но узнал...» [3, 252].

Впрочем, упрекать Мандельштама в полной умозрительности при интерпретации «Divina Commedia» тоже было бы несправедливо, ибо законы соотношения формы и содержания были ему прекрасно известны: «Таким образом, как это ни странно, форма выжимается из содержания-концепции, которое её как бы облекает» [5, 19].

Приступая к «Сошествию в Ад», фундаментально образованный Кузнецов не мог не учитывать мандельштамовского опыта постижения проторенессансного гения, которое, по мнению Л.Е. Пинского, «под конец жизни кристаллизовалось в очерке о любимом поэте, своего рода *ars poetica* О. Мандельштама» [8, 59]. Пинский, кстати, особое внимание уделяет методологии автора эссе «Разговор о Данте». Отталкиваясь от суждения Лессинга о разграничении временных (динамических и выразительных) и пространственных (статических и изобразительных) искусствах, он отмечает, что «Автор этюда идёт дальше Лессинга и отрицает поэтичность не только описательного, но и всего, что поддаётся пересказу...» [8, 69].

Кузнецов в своём «Сошествии» наоборот особый упор делает не на лирическом, а на нарративном пласте Ада. В данном контексте его интересует не лингвистический, или, в частности, звуковой ряд дантовых эпизодов. На передний план решительно выступают религиозные, нравственные и идеологические проблемы, связанные с персонифицированным ходом истории человечества. На весы вечности попадают дела, поступки, слова и идеи знаменитых людей, и вердикты, выносимые поэтом, отличаются большой резкостью и суровостью, порой вызывая смущение и обескураженность у читателя. Но автор убеждён в справедливости пожизненно вынесенных приговоров:

Кто там летает и дует, как ветер в трубу?
Это проносится Гоголь в горящем гробу.
Раньше по плечи горел, а теперь по колени.
Гоголь всё видит и чует сквозь вечные тени.
Хлюпает носом огарок последней свечи,
Словно хлебает кацап с тараканами щип.
С тыла Мазепа, а с рыла заходит Бандера.
Цыц, бандурист! Оборви свои струны, бандура!
Батько, поглянь! На закате великая тьма.
Чёрт на кону. Украина рехнулась ума... [3, 604]

Наше отношение к суровости вердикта является, конечно, вопросом личной совести. Но безотносительно к жёсткому спросу трудно отказать здесь автору в пророческом даре: сказанные более десяти лет назад слова воплотились на практике Майдана в полном объёме.

Впрочем, это различие отнюдь не отменяет близости двух аналитических и творческих подходов. И для Манделъштама, и для Кузнецова Алигьери – неиссякаемый источник вдохновения. Один из первых комментаторов «Разговора» А.А. Морозов приводит важные слова из подготовительных материалов Манделъштама: «Незнакомство русских читателей с итальянскими поэтами – я разумею Данта, Ариоста и Тасса – тем более поразительно, что не кто иной, как Пушкин воспринял от итальянцев взрывчатость и неожиданность гармонии... Ведь, если хотите, вся новая европейская поэзия лишь вольноотпущенница Алигьери. Не воздвигалась ли она резвящимися шалунами национальных литератур на закрытом и недочитанном международном Данте?» [5, 74].

Ю. Кузнецов, подобно Пушкину (который написал свою, а не переводную «Сцену из «Фауста») тоже не перелагал Данте, а представил нам оригинальное видение Ада. Но и в случае работы над переводными текстами (сб. «Пересаженные цветы») не прозревал ли он сквозь тексты более поздних авторов следы дантовского влияния? Это предположение кажется вполне вероятным.

Но там, где прошёл Данте, там справедливо ожидать следов его позднего современника – Петрарки. Манделъштам перевёл (по-своему, чисто по-манделъштамовски) несколько сонетов. У Кузнецова спрос с итальянского классика более строгий. У него певец Лауры, пренебрежительно отзывавшийся о славянских рабах («Петрарка») волей авторского воображения переносится в ... 1943 год, на Воронежский фронт. Воронеж для Манделъштама тоже, так сказать, город не чужой. Не думаю, что Кузнецов сознательно выбрал это место действия, чтобы великий гуманист постиг уроки узнавания других, но кто знает, какие процессы происходили в его подсознании.

Завершить разговор о близости двух поэтов хотелось бы ещё несколькими частными примерами. Кузнецов, скептически смотревший на художественные достижения многих авторов начала XX столетия, в частных беседах не раз выделял из ряда других Велимира Хлебникова («Русское явление!»). Любопытно, что таким было отношение к странному гению и у Осипа Манделъштама.

По мнению А. Дымшица, Манделъштам скептически смотрел на языкотворчество имажинистов, но «по-иному оценивал... работу Хлебникова над языком, – в ней он видел и «обмирщение» языка, и опыт, важный для поэтов... интерес Манделъштама к Хлебникову был не только интересом к нему как «языкотворцу», – была тут и некоторая общность идейных исканий» [1, 25]. Сам Манделъштам неоднократно с большим скепсисом отзывался об эстетических исканиях символизма («Поэзия русских символистов была экстенсивной, хищнической...» [6, 266], «...русские символисты были столпниками

стиля: на всех вместе не больше пятисот слов – словарь полинезийца» [6, 69]), но был более благосклонен к поискам Хлебникова: «Чтение же Хлебникова может сравниться с ещё более величественным и поучительным зрелищем: так мог бы и должен был бы развиваться язык-праведник...» [6, 68]. Речь здесь не о незыблемости аксиологических выводов, а о созвучии мнений столь разных поэтов.

Интересна переключка, обнаруживаемая в том пиетете, который Мандельштам и Кузнецов испытывали по отношению к некоторым государственным символам России. Так, первый писал:

И к нему – в его сердцевину –
Я без пропуска в Кремль вошёл... [7, 191]

и в другом месте:

На Красной площади всего круглей земля... [7, 180].

У второго можно прочесть строки, весьма прозрачно перекликающиеся с этими фразами:

Я в Мавзолей встал в очередь за Лениным [3, 259]

И хотя Юрия Кузнецова трудно заподозрить в сочувствии к «вождю мирового пролетариата» – для него в «Сошествии в Ад» отведено место на броневику, охваченном пламенем, – но он стремился соблюсти приличия по отношению к месту захоронения и памяти усопшего.

Как известно, посмертный сборник стихов Ю. Кузнецова должен был называться «Крестный путь», а не «Крестный ход» (оплошность издателей), а у Мандельштама есть созвучная фраза, относящаяся ещё к 1910 году:

Может, мне всего дороже
Тонкий крест и тайный путь [7, 207].

Очевидно, более усидчивый исследователь обнаружит и другие черты, связывающие личности Осипа Мандельштама и Юрия Кузнецова в пространственно-временном континууме. Пока же здесь хотелось лишь обозначить те параллели и аналогии, которые представляются наиболее существенными и убедительными.

Список литературы

1. *Дымищ А.Л.* Поэзия Осипа Мандельштама / Мандельштам О.Э. Стихотворения. Л., Советский писатель, Ленинградское отделение, 1973.
2. *Казначеев С.М.* Современные русские поэты. М., Институт бизнеса и политики, 2006.
3. *Кузнецов Ю.П.* Крестный ход. М.: Сова, 2006.
4. *Кузнецов Ю.П.* Русский узел. М.: Современник, 1983.
5. *Мандельштам О.Э.* Разговор о Данте. М.: Искусство, 1967.
6. *Мандельштам О.Э.* Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987.
7. *Мандельштам О.Э.* Стихотворения. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1973. – (Библиотека поэта).
8. *Пинский Л.Е.* Послесловие / Мандельштам О.Э. Разговор о Данте. М.: Искусство, 1967.

ПРОСТРАНСТВО ОКЕАНА (МОРЯ) И ЕГО ЗНАКОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В РАССКАЗЕ

И.А. БУНИНА «СНЫ ЧАНГА»

Ковалева Т.Н.

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск

В современном литературоведении «художественное пространство и художественное время определяют в качестве важнейших характеристик, основных координат художественного мира» [4, с.20], вне изучения которых невозможно глубокое понимание замысла и идеи произведения.

В трудах современных ученых художественное пространство предстает одним из основных средств осмысления действительности (см. об этом: [1], [4], [7], [10] и др.), «метафорически принимает на себя выражение совсем не пространственных отношений» [7, с.414], выступает «в качестве языка для выражения нравственных построений» [7, с.418]. Ученые, разрабатывающие теорию художественного пространства, едины в том, что эта формально-содержательная категория имеет знаковую природу и ценностный характер, связанный с воплощением авторской оценки изображаемого, его модели мира, концепции человека (см. об этом: [1], [3], [4], [5], [7], [8], [9], [11]).

Рассказ «Сны Чанга», одно из этапных произведений творчества И.А. Бунина, Л.А. Смирнова вполне обоснованно назвала «самым зашифрованным» бунинским рассказом. С полным правом можно утверждать, что необычность этого произведения в немалой степени обусловлена своеобразием художественного времени - пространства.

Художественное пространство рассказа И.А. Бунина «Сны Чанга» – сложная художественная структура, модель мира с очевидным преобладанием знакового характера пространственных образов. В настоящей статье мы остановимся на характеристике одного из ключевых пространственных образов рассказа И.А. Бунина – образа океана и его варианта – моря. Реальное географическое пространство рассказа «Сны Чанга», обозначенное координатами маршрута капитана: Китай, Сингапур, Коломбо, Красное море, Аравия и, наконец, Одесса – мастерски воссоздано И.А. Буниным отдельными выразительными вполне реалистическими зарисовками. Так, например, И.А. Бунин описывает «трудную осеннюю погоду» В Китае, штормовой ветер при выходе корабля из устья великой китайской реки в океан, знойный полдень в Красном море, в Аравии, разноплеменный мир Одессы – большого портового города. Но большая часть основного действия рассказа происходит в пространстве морской стихии – древнейшего культурного символа с многообразной семантикой, проявляющейся и в рассказе И.А. Бунина. Это, конечно, и образ могучего природного начала: «довременного, для нас уже чуждого и враждебного естества, называемого океаном» [2, с.118]. Корабль, плывущий в море, – это и один из архетипических образов, ассоциирующийся с широкой метафорой «человек в море жизни» – значение, явно прочитывающееся в рассказе.

Однако в ходе повествования образ океана, моря – морской стихии обретает и другое ярко выраженное символическое наполнение. В таких картинах собственно морское значение уходит на второй план, описывается не море, «а нечто *иное*, для чего море служит лишь формой описания («морской» код «неморского» сообщения), своего рода глубинной метафорой» [11, с.578]. Такая реализация образа моря характерна для ситуаций, когда «субъект описания «переживает» описываемое как свою неотчуждаемую собственность, как некую неотъемлемую часть своего «я» [11, 579]. Именно так воспринимает капитан морскую стихию в символических картинах, которые обрамляют его признания о безумной любви к дочери

и жене: «Ночь же настала, страшная и великолепная. Она была черная, тревожная, с беспорядочным ветром и с таким полным светом шумно взметывавшихся вокруг парохода волн, что порою Чанг, бегавший за быстро и безостановочно гулявшим по палубе капитаном, с визгом отскакивал от борта. И капитан опять взял Чанга на руки и, приложив щеку к его бьющемуся сердцу, – ведь оно билось совершенно так же, как и у капитана! – пришел с ним в самый конец палубы, на ют, и долго стоял там в темноте, очаровывая Чанга дивным и ужасным зрелищем: из-под высокой, громадной кормы, из-под глухо бушующего винта, с сухим шорохом сыпались мириады белоогненных игл, вырывались и тотчас же уносились в снежную искристую дорогу, прокладываемую пароходом, то огромные голубые звезды, то какие-то тугие синие клубы, которые ярко разрывались и, угасая, таинственно дымились внутри кипящих водяных бугров бледно-зеленым фосфором. Ветер с разных сторон сильно и мягко бил из темноты в морду Чанга, <...> и, крепко, родственно прижимаясь к капитану, обонял Чанг запах как бы холодной серы, дышал взрытой утробой морских глубин, а корма дрожала, ее опускало и поднимало какой-то великой и несказанно свободной силой, и он качался, качался, возбужденно созерцая эту слепую и темную, но стократ живую, глухо бунтующую Бездну. И порой какая-нибудь особенно шальная и тяжелая волна, с шумом пролетавшая мимо кормы, жутко озаряла руки и серебряную одежду капитана...» [2, с.116-117].

Обратим внимание на знаковые ключевые детали этой чрезвычайно семиотически насыщенной картины: капитан, в отличие от Чанга, не боится бушующего океана, а «быстро и безостановочно гуляет по палубе», в самый разгар шторма идет с Чангом «в самый конец палубы, на ют, и долго стоял там в темноте, очаровывая Чанга дивным и ужасным зрелищем», то есть воспринимает бушующую стихию как родственную. Таким образом, детали описания морской стихии предстают символами души героя, воссоздающими его душевную и духовную смуту, души, в которой побеждает темное начало: «беспорядочный ветер», бушующие «шалые» волны, «мириады белоогненных игл», срывающихся с волн, «то огромные голубые звезды, то какие-то тугие синие клубы, которые ярко разрывались и, угасая, таинственно дымились внутри кипящих водяных бугров бледно-зеленым фосфором», «слепая и темная, но стократ живая, глухо бунтующая Бездна».

Особенно значимыми предстают inferнальные детали образа капитана: «запах как бы холодной серы», который обонял Чанг, прижимаясь к капитану, «бледно-зеленый фосфорический дым», рождающий ассоциативную связь с миром мертвых, жутко озаренные этим светом волн руки и серебряная одежда капитана.

В мифопоэтической традиции архетип океана, моря как большой воды – является одним из способов представления души человека, ее глубин. Эту знаковую природу водной стихии выделял К.Г. Юнг: «Путь души, ищущей потерянного отца, – подобно Софии, ищущей Бюфос, – ведет к водам, к этому темному зеркалу, лежащему в основании души. Вода – <...> жизненный символ пребывающей во тьме души. <...> Покоящееся в низинах море – это лежащее ниже уровня сознания бессознательное» [12, с.108-109].

Во второй картине морской стихии, завершающей описание ночного шторма и замыкающей рассказ капитана об измене жены, появляется образ «змея» – так Бунин называет «страшную живую волну», заглядывающую в каюту капитана: «некий сказочный змей, весь насквозь светившийся самоцветными глазами, прозрачными изумрудами и сапфирами». В контексте истории любви героя образ «змея» – явная аллюзия на змея-искусителя из библейской истории Ветхого Завета. Потрясающим по силе выразительности предстает образ «черной плащаницы моря» [2, с.118] – знак умирания души героя. Все эти inferнальные черты капитана кажутся неожиданными, но их появление отчасти подготовлено его

собственным признанием – характеристикой себя и своего жизненного пути: «Жутко жить на свете, Чанг, – сказал капитан, – очень хорошо, а жутко, и особенно таким, как я! Уж очень я жаден до счастья и уж очень часто сбиваюсь: темен и зол этот Путь или же совсем, совсем напротив?» [2, с.113]. Незнание Пути истинного, жадность к земному счастью, безумная любовь к дочери и жене, неприятие воли Творца, отказ от жизни в виде постоянного желания опьянить себя – все это черты человека, забывшего о Боге и потому чувствующего свою обреченность [6, 63].

Список литературы

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 121–291.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т.4. М.: Художественная литература, 1987.
3. Ковалева Т. Н. Библейский хронотоп в путевых поэмах И.А. Бунина «Тень Птицы» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 13: Актуальные аспекты. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015.– С.507–527.
4. Ковалева Т. Н. Художественное время-пространство романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: дисс. ... канд. филол. наук: Ставропольский гос.ун-т. – Ставрополь, 2004. –188 с.
5. Ковалева Т.Н. Моделирующая функция начала романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (опыт семиотического исследования художественного времени-пространства) // Вестник Пятигорского гос. лингвистического университета. – Пятигорск, 2002. №1. – С.54-55.
6. Ковалева Т.Н. Тип «обреченного человека» в прозе И.А. Бунина 1914-1916 годов // Метафизика И.А. Бунина. Вып.3. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. – С.56-63.
7. Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х т. – Таллинн, 1993. Т.1.
8. Малишевский И. А. Морской код в творчестве И.А. Бунина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: Воронежский гос. ун-т.– Воронеж, 2015.- 20 с.
9. Меграбян Л.Р. Художественная концепция Кавказа в русской литературе и творчестве адыгских писателей-просветителей: дисс.... канд. филол. наук: Майкопский гос. ун-т.– Майкоп, 1999. – 190 с.
10. Пращерук Н.В. Художественный мир прозы И.Бунина: язык пространства. – Екатеринбург, 1999.
11. Топоров В.Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизических основах // В.Н.Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М: Наука, 1995.
12. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М: Наука, 1991.

«ЗОЛОТАЯ РОЗА» КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО В ВОСПРИЯТИИ КИТАЙЦЕВ
(1959–1986 гг.)

Ян Янь (КНР)

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Уникальный мастер русской лирической прозы XX в. – К. Г. Паустовский, прозаик, воспевавший русскую землю и прикоснувшийся к основам русского народного языка, его называли певцом родной природы и совестью русской литературы. Вклад Паустовского в русскую литературу колоссален, его обширное творческое наследие стало объектом восприятия не только внутри родной культуры, но и в инонациональных культурах. Произведения Паустовского проникли в Китай в начале 1950-х гг., его на шумевшая повесть «Золотая роза» получила масштабное массовое читательское признание и принесла писателю широкую известность. Эта повесть рассматривается как чрезвычайно важное произведение для изучения творческой специфики писателя. Однако вопрос о том, как «Золотая роза» Паустовского воспринимается в Китае второй половины XX в., остается неизученным. В связи с этим в настоящей статье мы попытаемся уделять внимание отдельным, но, с нашей точки зрения, показательным фактам восприятия произведения.

Знакомство китайской читательской аудитории с произведениями Паустовского произошло в начале 1950-х гг. Стоит отметить, что в 1959-м г. в Шанхае в переводе Ли Ши (李时) была издана повесть «Золотая роза» с подзаголовком «Книга о писательском труде». Именно с этого перевода началось знакомство читающего Китая с «Золотой розой». Данный перевод должен рассматриваться как первый шаг к китайской культурной рецепции повести, более того он немало способствует популярности писателя. По свидетельству китайского русиста Дун Сяо (董晓) [3, с. 203], эта книга о писательстве начала оказывать огромное влияние на китайскую литературу, наряду с этим традиция поэтики Паустовского продолжается и развивается в творчестве китайских писателей. Под влиянием книги Паустовского, как показало исследование Дун Сяо [4, с. 96], в 1962 г. в Китае родилось первое подражание «Золотой розе» – сборник эссе «Отрывочные мысли об искусстве» («艺海拾贝»). Автором сборника является выдающийся китайский прозаик Цинь Му (秦牧). Дун Сяо подчеркнул, что «оба автора двух стран, оказавшегося в очень близком культурно-политическом контексте, рассказывали тонкой, изящной прозой о прекрасной сущности писательского труда, благодаря лирической проникновенности и идеям гуманизма обе книги до сих пор по-прежнему очень востребованы в Китае» [3, с. 204–205]. Так, в соответствии с аспектом исследования, можно считать, что в начале 1960-х гг. Китая наметилась принципиально новая тенденция: литературная аллюзия на «Золотую розу» Паустовского в творчестве китайского литератора.

Впоследствии во время «китайской культурной революции» оба произведения о литературном творчестве ошибочно находились в списке «запрещенных книг». По свидетельству китайских литературоведов Ван Бинбина (王彬彬) и Ши Чжаньцзюня (施战军) [1, с. 146; 16], в суровом культурном климате тогдашнего Китая, «Золотая роза» критиковалась за высказанные в ней «буржуазные эмоции и предосудительные идеи», из-за этого в последующее десятилетие литературоведческое исследование данной книги осуществить было практически невозможно. Вместе с тем, по собственному воспоминанию Цинь Му, его книга «Отрывочные мысли об искусстве», находившаяся под первым ударом, относилась к перечню

«анти-Мао, антикоммунистических, антисоциалистических “ядовитых трав”», к ярлыку «гремучей змеи в искусстве» [14, с. 2]. В те годы переводческая деятельность произведений Паустовского прекратилась, издание книг писателя было запрещено. Спустя несколько лет после политических бурь, «Золотой розы», как и другим ранее «запрещенным книгам», удалось переиздать в Шанхае в 1980-м г.

Здесь следует отметить, что в том же году в Китае возникло первое литературно-критическое эссе о фрагменте «Ночной диллижанс» из «Золотой розы» – «Сказка любви» («爱的童话», 1980) [12], автором которого является знаменитый поэт, прозаик Цзэн Чжо (曾卓). Он назвал «Ночной диллижанс» поэзией, в ней чувство и дух очищены, от нее идет сказочный аромат. Как первый китайский исследователь Паустовского, Цзэн Чжо с 1975-го г. начал писать критические эссе на прозу писателя, и в начале 1980-х гг. ему удалось опубликовать ряд сочинений о художественных особенностях прозы Паустовского [10, 9, 13, 11]. Вклад Цзэн Чжо заключается в том, что в китайских научных кругах именно он впервые обратил внимание не проблему красоты в творчестве Паустовского и выдвинул идею о том, что две основные темы в рассказах и повестях Паустовского – тема любви и красоты. В статье «Красота жизни и любовь к жизни – о рассказах «Снег» и «Дождливый рассвет»» («生活的美和生活的爱——关于“雪”和“雨蒙蒙的黎明”»), 1982) Цзэн Чжо написал, что «Паустовский – поэт, «распятый на кресте прозы», он посвятил читателям много красивых цветов, росой на которых являются слезы любви к жизни писателя [10, с. 96]; Паустовский еще поэт с пасторальной традицией, он ищет, замечает и воспеваает красоту, сквозь чуткую эмоцию и атмосферу выражается красота человечности и красота жизни [Там же]». Следовательно, Паустовский в Китае считается человеком, воспевающим жизнь, и вечным последователем красоты.

После Цзэн Чжо, некоторых китайских исследователей также увлекало творчество Паустовского. Это Се Хайцюань (谢海泉), Сюй Хуэйпин (徐慧萍), Цао Шивэнь (曹世文), Инь Гомин (殷国明), Шао Яньсян (邵燕祥), Го Иге (郭伊戈) [6, 7, 8, 5, 15, 2]. Се Хайцюань, Инь Гомин и Го Иге анализировали роль ассоциации в прозе Паустовского, особенно в «Золотой розе», и считали, что настоящей литературе нужна творческая ассоциация. Сюй Хуэйпин и Цао Шивэнь главным образом обратили внимание на романтизм – важнейший художественный метод Паустовского, в то же время они также оценивали силу гуманизма в искусстве художественного слова писателя. А известный китайский поэт Шао Яньсян уделял большое внимание вопросу о внутреннем ритме «Золотой розы». Итак, можно говорить, что с 1980-го по 1986-е гг. в Китае фактически началась исследовательская рецепция творческого наследия Паустовского, в том числе «Золотой розы».

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы: 1959–1986 годы по сути стали этапом открытия «Золотой розы» в Китае, и соответственно мы можем рассматривать данный этап как первый период китайской культурной рецепции произведения. Данный период преимущественно включает переводческое прочтение повести Паустовского, а также восприятие основных эстетических идей писателя китайскими литературоведами. Раннее изучение Паустовского в Китае в основном посвящено таким проблемам, как литературный стиль и метод писателя, основные темы и идеи его прозы и др. Кроме того, в этот период в восприятии произведения наметилась принципиально новая тенденция – литературная аллюзия на «Золотую розу» Паустовского в творчестве китайского писателя. Это уникальное творение открывает Китаю художественный мир Паустовского.

Список литературы

1. Ван Бинбин. «По всей Вероне звонили к вечерне колокола» – мысли о «утопии и антиутопии: конфронтация и изменение» // Литературное соперничество: журнал. 2007. – № 8. – С. 143–147. (王彬彬. “全维罗纳响起了晚祷的钟声”——由《乌托邦与反乌托邦:对峙与嬗变》想到的. 文艺争鸣. 2007. № 8. 第143–146页.)
2. Го Игэ. Мать задала сыну “схему испытания” – ассоциация после прочтения рассказа «Письмо» // Русская литература и искусство: журнал. 1986. – № 3. – С. 112. (郭伊戈. 母亲给儿子出的一张“多选题试卷”——读讽刺小品《信》后的联想. 俄罗斯文艺. 1986. № 3. 第112页.)
3. Дун Сяо. Ближе к «Золотой розе» – исследование творчества К. Г. Паустовского. – Накин: Изд-во Нанкинского ун-та, 2006. – 229 с. (董晓. 走近《金蔷薇》——巴乌斯托夫斯基创作论. 南京: 南京大学出版社. 2006. 229页.)
4. Дун Сяо. Почему в Китае так любят Паустовского? // Мир Паустовского: журнал / ред. Н. Шварц. – М., 2005. – № 22. – С. 95–97.
5. Инь Гомин. К. Г. Паустовский о творчестве // Исследование теории литературы: журнал. 1985. – № 3. – С. 137. (殷国明. 巴乌斯托夫斯基谈创作应把自己整个放进每篇作品中去. 文艺理论研究. 1985. № 3. 第137页.)
6. Се Хайцюань. Роль ассоциаций в творчестве и искусстве // Форум Цзянхуай: журнал. 1982. – № 1. – С. 110–112. (谢海泉. 艺术创作中的“联想”与“扩想”. 江淮论坛. 1982. № 1. 第110–112页.)
7. Сюй Хуэйпин. Силуэт простой жизни – о рассказе К. Г. Паустовского «Колотый сахар» // Исследование зарубежной литературы: журнал. 1984. – № 3. – С. 136–138. (徐慧萍. 一副朴素的生活剪影——谈巴乌斯托夫斯基的《碎糖块》. 外国文学研究. 1984. № 3. 第136–138页.)
8. Цао Шивэнь. “Скептицизм не сделает жизнь лучше” – о творчестве К. Г. Паустовского // Мировая культура: журнал. 1984. – № 5. – С. 22. (曹世文. “怀疑主义不会使生活增色”——谈作家康斯坦丁·巴乌斯托夫斯基的创作. 世界文化. 1984. № 5. 第22页.)
9. Цзэн Чжо. Записки слепого музыканта. – Шанхай: Шанхайское литературное изд-во, 1986. – 241 с. (曾卓. 听笛人手记. 上海: 上海文艺出版社. 1986. 241页.)
10. Цзэн Чжо. Красота жизни и любовь к жизни – о произведениях «Снег» и «Дождливый рассвет» // Советская литература: журнал. 1982. – № 4. – С. 93–96. (曾卓. 生活的美和生活的爱——关于《雪》和《雨蒙蒙的黎明》. 苏联文学. 1982. № 4. 第93–96页.)
11. Цзэн Чжо. Самый лучший подарок // Избранные произведения Цзэн Чжо в трех томах. – Ухань: Литературное изд-во Янцзы, 1994. Т. 2. – С. 125–128. (曾卓. 最好的礼物 // 曾卓文集. 三卷本. 武汉: 长江文艺出版社. 1994. 第二卷. 第125–128页.)

12. Цзэн Чжо. Сказки о любви // Избранные произведения Цзэн Чжо в трех томах. – Ухань: Литературное изд-во Янцзы, 1994. Т. 2. – С. 129–135. (曾卓. 爱的童话 // 曾卓文集. 三卷本. 武汉: 长江文艺出版社. 1994. 第二卷. 第129–135页.)
13. Цзэн Чжо. Стремящийся к красоте // Избранные произведения Цзэн Чжо в трех томах. – Ухань: Литературное изд-во Янцзы, 1994. Т. 2. – С. 122–124. (曾卓. 美的寻求者 // 曾卓文集. 三卷本. 武汉: 长江文艺出版社. 1994. 第二卷. 第122–124页.)
14. Цинь Му. Отрывочные мысли об искусстве. – Пекин: Изд-во китайской молодежи, 2008. – 225 с. (秦牧. 艺海拾贝. 北京: 中国青年出版社. 2008. 225页.)
15. Шао Янсян. О литературном чтении // Литературная свобода: журнал. 1986. – № 1. – С. 108–111. (邵燕祥. 谈文学朗诵. 文学自由谈. 1986. № 1. 第108–111页.)
16. Ши Чжаньцзюнь. И наступает тот час, когда сказка ложится на бумагу. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.99lib.net/book/1607/43047.htm> (дата обращения: 01.11.2016). (施战军. 童话落在纸上的时辰终于到了. 99藏书网.)

СЕКЦИЯ №11.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)

СЕКЦИЯ №12.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)

СЕКЦИЯ №13.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)

СЕКЦИЯ №14.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)

СЕКЦИЯ №15.

ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Осинцева Т. В.

Белгородский Государственный Национальный Исследовательский Университет, г. Белгород

Реклама - это одна из сфер использования языка, где он служит, прежде всего, инструментом уществительной коммуникации, целью которой является побудить слушающего определенным образом

модифицировать свое поведение, в частном (и основном для рекламы) случае - поведение потребительское. Одним из важных отличий рекламы от других форм увещательной коммуникации является то, что она происходит в условиях, которые в некотором отношении являются крайне неблагоприятными и даже, можно сказать, экстремальными: рекламная коммуникация чаще всего имеет место при отсутствии непосредственного контакта между коммуникантами, в условиях воздействия на адресата рекламы конкурирующих рекламных сообщений, других потоков информации, недоверия, невнимательного, а порой и просто негативного отношения со стороны адресата. Поэтому рекламные сообщения представляют собой уникальный материал для исследования функционирования языковых механизмов в достаточно непростых условиях речевого взаимодействия.

Создание рекламного сообщения – это ключевой вопрос рекламной деятельности. Достоверно известно, что каждое слово несет не только определенную информацию нашему сознанию, но и воздействует в той или иной степени на чувства и подсознание. И это обстоятельство имеет для рекламы огромное значение. Ведь в большинстве случаев потребитель воспринимает рекламное сообщение в течение чрезвычайно короткого времени, при этом, как правило, в потоке других рекламных объявлений. Отсюда - исключительное внимание текстовиков-профессионалов к подбору каждого слова. Что же такое рекламное сообщение? Рекламное сообщение – это основной информационный посыл фирмы-производителя товаров или услуг к своим потребителям. Целью любой маркетинговой стратегии является быстрый и эффективный информационный контакт с потребителем.

В зависимости от формы рекламной коммуникации и набора структурно-семантических компонентов Соколов А.В. выделяет следующие четыре типа рекламного сообщения:

1. Вербальный коммуникативный тип
2. Вербально-визуальный коммуникативный тип
3. Аудио-вербальный коммуникативный тип
4. Мультимедийный коммуникативный тип

При всем многообразии видов рекламы все они в итоге могут быть сведены к четырем вышеперечисленным коммуникативным типам.

Эффективность рекламного воздействия напрямую зависит от того, насколько рекламистом учтены характерные особенности адресата. Для составления четкого портрета потенциального потребителя необходима систематизация всех его значимых черт, каждая из которых может как в отдельности, так и в комплексе с другими характеризовать субъект образа жизни. Значимые характеристики включают в себя как объективные характеристики, так и субъективные.

Объективные – учитывают геокультурологические и социально-демографические признаки субъекта образа жизни, субъективные – индивидуальные признаки представителя ЦА, а также его стиль жизни.

Задачу рекламного текста нередко представляют в виде формулы «aida» (Attention – текст должен привлечь внимание, Interest – текст должен заинтересовать и побудить к дальнейшему чтению, Desire – текст должен содержать мотивацию покупки, Action – текст должен побудить к действию, предлагая план действия и необходимую информацию). Иногда выделяют пятый компонент этой формулы – M – motive – текст должен содержать мотив приобретения товара или услуги для потенциального потребителя. Этот компонент следует за «желанием» и предшествует «действию».

Рекламный текст состоит из пяти основных элементов, которые почти всегда используются в рекламе :
•заголовок;

- подзаголовок;
- основной текст;
- подписи и комментарии;
- рекламный лозунг (слоган).

Слоган, то есть «рекламная фраза», в сжатом виде излагающая основное рекламное предложение и входящая во все сообщения в рамках рекламной компании. Слоган обладает резюмирующей ролью и обычно стоит в конце рекламного сообщения, рядом с именем рекламодателя или рекламируемой товарной марки – брэнда. Слоган – итог всему сказанному и показанному в рекламе. Он выполняет функцию связующего звена между отдельными сообщениями общей рекламной компании, служит опознавательным знаком. Слоган – основная из постоянных констант рекламного сообщения (имя рекламодателя или рекламируемого брэнда, фирменный знак, музыка) с эффектом узнавания; это концентрированное выражение содержания рекламной компании, включающее в себя «как можно больше значимых рекламных единиц, чтобы как можно более полно отразить все потребительски важные сведения». Слоган краток и афористичен, и его задача – передавать максимум информации минимумом слов.

Основные значимые единицы слогана – те же, что элементы информации об объекте рекламы, то есть – уникальное торговое предложение и имя брэнда. Вспомогательными же значимыми единицами рекламной информации являются: товарная категория, к которой относится рекламируемый товар, целевая аудитория, формальные особенности товара (цвет, форма), производитель товара (фирма, страна). К художественным приемам слоганистики причисляются: созвучные слова (полные омонимы и частичные созвучия); рифмы; другие смыслы (многозначность); фразеологизмы со словами, обозначающими основные рекламные единицы, а также такой прием как *неология*.

Неологизм - слово, значение слова или словосочетание, недавно появившиеся в языке. Из этого определения ясно, что понятие неологизма изменчиво во времени и относительно: неологизмом слово остается до тех пор, пока говорящие ощущают в нем новизну. Основными критериями отнесения слова к неологизму в языке являются следующие:

- временной критерий, указывающий на существование неологизма в определенный период времени;
- признак новизны (при этом новизна слова может быть разной степени);
- локальный признак (языковое пространство).

На основании этого можно сформулировать следующее определение понятия «неологизм», согласно которому новыми в литературном языке определенного периода времени являются слова, впервые зафиксированные в языке, а также новообразования, семантические неологизмы - новые значения известных ранее лексических единиц и сочетания слов.

Неологизмы появляются и функционируют в языке по-разному, что позволяет выделить в их составе несколько групп. В основе классификации неологизмов лежат различные критерии их оценки. В зависимости от способов образования выделяют неологизмы лексические, которые создаются по продуктивным моделям или заимствуются из других языков, и семантические, которые возникают в результате присвоения новых значений уже известным словам.

В языке и стиле рекламы имеются свои отличительные характеристики, которые позволяют противопоставить её другим языковым сферам, и, следовательно, условия употребления неологизмов в рекламном тексте имеют свою специфику, в том числе, и в испанском языке. Так, например, А. В. Волостных считает, что ввод неологизма в рекламный текст осуществляется на основе приемов

отстранения и модализации, а также неологизм чаще всего выступает в тексте в рематической функции, появляясь в конце ряда на фоне семантически связанных с ним слов. В целях усиления воздействия, неологизмы могут строиться вопреки грамматическим правилам испанского языка.

Употребление различных типов неологизмов зависит от языковых и стилевых особенностей рекламного текста, так для неологизмов, встречающихся в рекламе одежды, косметики, пищевых продуктов и др. характерно использование пословичных и стихотворных форм в сочетании с трюковым стилем, а также средства усиления звуковой выразительности: звукоподражания, ассонанс, диссонанс, языковая игра.

Иногда к неологизмам относят слова, которые придают товару лоск и принадлежность к элитной группе. По определению исследователей рекламы неологизмы, так называемые «новомодные слова», это доходчивый лексикон, один из самых ходовых способов придать рекламируемому товару яркость и энергичность. Они отличаются от слов индивидуально-авторских, которые принято называть «окказионализмами».

Окказионализмы и неологизмы имеют полифункциональный статус в текстах рекламно-информационного жанра. Употребление неологизмов-заимствований диктуется модными тенденциями социума, использование которых формирует у адресата образ той страны, чей язык предоставляет материал для новообразования. Новизна, необычное звучание, написание, идеографические знаки, элементы интертекстуальности, аллюзии, воплощенные в неологической лексике апеллируют к эмоциям адресата, невольно заставляют остановить свой взгляд на рекламном тексте.

В настоящее время использование неологизмов является одним из наиболее распространенных приёмов при создании рекламы.

Список литературы

1. Волостных, А. В. / Функции неологизмов в рекламном тексте :На материале русского и французского языков // [Электронный ресурс].
2. Васильев Г.А. Основы рекламной деятельности : учеб. пособие для вузов / Г.А. Васильев, В.А. Поляков. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 414 с.
3. Головлева Е.Л. Основы рекламы / Е.Л. Головлева – М. : Моск. гуманитар. ин-т.; Ростов н/Д : Феникс, 2004. – 320 с.
4. Зирка, Н. А., Хабарова Н. А. / Роль неологизмов в рекламных текстах / Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» Том 26 (65). № 1 – С. 368-372
5. Линникова Ю. О. / Неологизмы в рекламном дискурсе (на материале современного английского языка).
6. Шейнов В.П. Эффективная реклама. Секреты успеха / В.П.Шейнов. – М.: Ось – 89, 2003. – 448 с.
7. Шкляр, Ю.Л. / Семантические неологизмы в разных предметных областях (на материале немецкого языка) / Ю.Л. Шкляр, М.Н. Пролиско // Замежныя мовы ў Рэспубліцы Беларусь. – 2006. – № 4. – С. 3-9

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ОТРАСЛЕВОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПРЕССЫ

Фролова Н.М.

НИ ГОУВПО «Мордовский госуниверситет им. Н.П. Огарева»

г. Саранск

Анализ современного состояния медицинских изданий позволяет выявить ряд проблем в их функционировании и определить перспективы дальнейшего развития этого сегмента информационного рынка.

В.С. Улащик и А.К. Цыбин [1, с. 5] считают, что журналы данной группы не вполне отвечают требованиям, предъявляемым к их контенту (тираж, полиграфическое исполнение, рецензирование, качество публикуемых материалов и пр.). Список цитируемой в научных медицинских статьях литературы не всегда адекватен их тексту и существенно перегружен самоцитированием (авторы статей подчеркивают собственную принадлежность к научной элите). Существует проблема содержательного уровня и достоверности публикуемых в научных медицинских журналах статей. Многие научные исследования проводятся с грубыми нарушениями элементарной статистики или просто дублируют ранее выполненные другими авторами исследования (сознательно или в результате плохо проведенного информационного поиска). Выводы, не соответствующие реальности, только дезинформируют ученых и специалистов практического здравоохранения. Некоторые лечебные средства и технологии, внедренные в медицинскую практику по результатам упрощенных методов их испытания (без рандомизации, контрольных групп сравнения), не только бесполезны, но и вредны. Именно поэтому в последние годы возрос интерес к внедрению в практику принципов доказательной медицины, основанной на результатах, полученных в ходе контролируемых клинических испытаний. Из-за отсутствия принципов доказательной медицины в научных и клинических исследованиях медицинская наука и практическое здравоохранение вкладывают огромные финансовые средства в малоэффективные исследования, закупку дорогостоящего оборудования и лекарственных препаратов, которые могут оказаться совершенно бесполезными.

Еще одна проблема медицинских научных журналов - создание адекватной системы рецензирования поступающих статей. Рецензии часто формальны либо необъективны, процент отклоненных публикаций крайне низок. А ведь научная статья – это чаще всего фрагмент диссертации, поэтому и рецензия на нее должна представлять собой законченную экспертную работу.

Важным моментом является стандартизация некоторых этапов оформления научных результатов. Существует ГОСТ на оформление научного отчета [2], однако необходима также форма представления научных статей к публикации и ужесточение требований к их оформлению и содержанию. В ряде стран редакторы престижных журналов перед публикацией статьи практикуют статистическое и методологическое рецензирование представленных материалов и унифицированную форму изложения материала, а также требуют выполнения клинических исследований по единым методическим правилам, соответствующим Международным правилам качественной клинической практики [3, с. 11–18] (GCP – Good Clinical Practice).

На качество материалов также весомо влияют требования ВАК РФ о публикациях в научных журналах, требуемых для защиты диссертаций, что несколько увеличивает информационный поток статей без качественного их улучшения. Целесообразной представляется более тщательная экспертиза публикуемых работ.

Минусом для качества также является проплаченность зарубежными фирмами статей, в которых преимущества рекламируемого продукта не всегда хорошо аргументированы и детально обсуждены в сопоставлении с лучшими аналогами и с позиций доказательной медицины.

Есть еще один отрицательный момент в функционировании медицинского специального издания. Требования, предъявляемые сотруднику данного типа изданий (к его образовательному уровню - желательно наличие медицинского образования, знание иностранных языков и владение техникой перевода; профессиональному мастерству, умению пользоваться новыми техническими средствами, а также пониманию им роли в укреплении экономической базы редакции и ее издания) не соответствуют условиям работы (стремление издателей снизить расходы на подготовку и выпуск издания, минимизировать размеры редакционного коллектива, и, как следствие, постоянное нарастание интенсификации труда; высокая степень ответственности перед теми, кто пользуется его информацией, и перед работодателем) и уровню заработной платы.

В рамках информационного бума, внутри которого происходит расширение междисциплинарных исследований, дальнейшая дифференциация научных знаний, другие качественные изменения в структуре науки - все это усложняет процессы передачи, усвоения и использования имеющейся информации. Соответственно степень информированности отдельного ученого обо всем, что происходит в его отрасли знаний, не растет, а скорее, падает.

Если проследить некоторые тенденции в развитии системы СМИ в целом, можно прогнозировать, в частности счастливое будущее электронным медицинским изданиям, которые частично вытеснят традиционные печатные публикации. Интернет-СМИ имеют ряд отличий от печатных, а в некотором роде и преимуществ. Во-первых, в Интернете у СМИ появляются новые возможности в оперативности обновления информации при более гибком подходе к фиксированной периодичности (процесс получения информации минует типографию, график выхода журнала, его доставку); во-вторых, интернет-СМИ глобальны по широте охвата аудитории и при этом локальны по возможностям доступа к малым социальным группам, рассредоточенным по интересам и территориям; в-третьих, зоны информационного внимания этих СМИ отличаются универсализмом, так и предельной специализацией, обслуживающей интересы определенных сегментов аудитории; в-четвертых, в Интернете расширяются содержательные возможности СМИ для выполнения таких функций, как информационная и развлекательная [4].

В значительной мере будущее отраслевой медицинской прессы зависит от того, как будет развиваться отечественная наука. Поскольку все еще существуют пробелы, в частности в диагностике и лечении рака и СПИДа, наверняка впереди нас ждет огромное число открытий в сфере медицины. На данный момент реалии таковы, что проводимые в нашей стране исследования в подавляющем большинстве случаев не соответствуют международным стандартам. Стандарты диагностики и лечения, которые существуют в большинстве высокоразвитых стран, базируются исключительно на исследованиях, проведенных на принципах доказательной медицины.

S. Tilighast, американский врач-эксперт, участвовавший в подготовке программы реформирования здравоохранения в России, заметил, что «развитие российской медицины будет зависеть от западных знаний и технологий до тех пор, пока современные методы критической оценки информации не изменят культуру медицинских исследований, образования и научных публикаций» [5, с. 60]. Следует подчеркнуть, что возможно, для отечественной медицинской науки значительно большей проблемой является не дефицит финансирования, а методологический кризис. Колоссальные средства тратятся на организацию заведомо некорректно организованных исследований, на финансирование проектов, подразумевающих использование

лекарственных средств и медицинской техники с сомнительной или недоказанной эффективностью.

На перспективы развития анализируемого нами типа изданий без сомнения окажут влияние новации в области научных коммуникаций (появление многочисленных автоматизированных банков данных, телеконференции, спутниковая связь), с помощью которых обмен информацией между учеными всего мира становится активнее. Развитие телемедицины (направление медицины, основанное на использовании телекоммуникаций для адресного обмена медицинской информацией между специалистами с целью повышения качества и доступности диагностики лечения) существенно повысят уровень диагностики и лечения, квалификации медицинских кадров, сблизят уровень лечебно-профилактической помощи сельскому и городскому населению, повлияют на качество журналов.

Медицинские журналы будут появляться снова и снова. Имея устойчивый платежеспособный спрос со стороны аудитории и устойчивый интерес со стороны рекламодателей, издания данной типологической группы всегда будут востребованы. Конкуренция весьма предсказуемая: сильнейшие будут оставаться, слабые - исчезать. Так крупные издательские дома к общей ситуации на рынке относятся спокойно, изданиям посромнее придется искать новые удачные пути развития. Хотелось бы отметить вероятность успешного существования прежде всего узконаправленных изданий, ориентированных на те аудиторные и тематические ниши, которые еще не закрыты существующими (разные возрастные, профессиональные, социальные категории читателей).

Список литературы

1. Улащик В. С. Доказательная медицина: основные понятия, первые шаги в Беларуси / В. С. Улащик, А. К. Цыбин // Здоровоохранение. – 2000. – № 5. – 45 с.
2. Отчет о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления: ГОСТ 7.32–2001 СИБИД [Электронный ресурс]. – Введ. 2002-07-01. – Режим доступа: <http://www.gosthelp.ru/text/GOST7322001SIBIDOtchetona.html>.
3. Рекомендации Всемирной ассоциации медицинских редакторов по принципам этики научных публикаций в медицинских журналах [Электронный ресурс] // Междунар. журн. мед. практики. – 2005. – № 5. – С. 24–30. – Режим доступа: <http://www.mediasphera.ru/mjimp/2005/5/24.pdf>.
4. СМИ в пространстве Интернета: учебное пособие / [Лукина М. М., Фомичева И. Д.]. – М.: Ф-т журналистики. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. – 186 с.
5. Доказательная медицина и отечественная медицинская наука / [Фадеев В. В., Леонов В. П., Реброва О. Ю., Мельниченко Г. А.] // Проблемы эндокринологии. – 2003. - Т. 49. – № 5. - С. 55–61.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)

СЕКЦИЯ №16.

РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СВЯЗНОСТИ
В ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ СЕРЕДИНЫ И КОНЦА XVIII ВВ.*

Герасимова И. С.

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

**Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области, проект № 16-14-34004 «Динамика текстовой и языковой организации региональных документов XVIII–XIX вв. (по данным архивного фонда «Михайловский станичный атаман» ГАВО)».*

В науке XVIII в. традиционно характеризуется как новый период в истории русского языка. Радикальное изменение языковой ситуации проявляется в становлении национального русского литературного языка, когда на основе взаимодействия различных исторически сложившихся традиций речевой культуры формируется новая его функциональная парадигма. Говоря о деловой письменности, ученые отмечают характерное для 1-ой половины XVIII в. вторжение нормы литературного языка в эту сферу, приведшее к оппозиции «книжное :: разговорное» [Успенский 1985, с. 10], и заканчивающуюся во 2-ой половине поэтапную экспансию распространения книжной нормы в деловом языке [Майоров 2006, с. 11], и сходятся во мнении о том, что деловой язык конца XVIII в. становится функциональным стилем литературного языка. Этот поэтапный процесс нашел свое отражение прежде всего в языковом выражении содержания памятников деловой письменности.

Структурно-смысловое исследование текста, относящегося к многомерным объектам, требует выбора определенного аспекта, в котором свойства этого объекта получили бы непротиворечивое и достаточное освещение. Одним из таких аспектов является аспект текстовых категорий. Вопросы состава и сущности категорий текста в лингвистике до сих пор не решены, однако большинство исследователей согласны с тем, что связность и цельность являются конститутивными, базовыми категориями.

Цель данной статьи – выявление средств выражения категории когезии в региональных документах середины и конца XVIII в. Материалом для анализа стали хранящиеся в Государственном архиве Волгоградской области скорописные документы Фонда Михайловского станичного атамана (Ф. Р-332, оп. 1), относящиеся к исторической Области Войска Донского и датируемые 1734–1755 гг. (середина XVIII в.) и 1782–1783 гг. (конец XVIII в.). При этом наше внимание сосредоточено на средствах связи, проявляющихся на лексическом и грамматическом уровне. В силу указанных выше причин внутритекстовая организация документов середины и конца XVIII в. различна, что находит отражение в репрезентации категории когезии.

К средствам ее реализации в современных текстах ученые относят повторы, союзы, местоимения и синтаксический параллелизм. Изучение региональных документов XVIII в. позволило не только расширить этот перечень, но и обнаружить сходства и различия в реализации когезии в текстах середины и конца столетия.

Ранее нами было показано, что когезия в документах середины XVIII в. обеспечивается лексическими повторами, употреблением синонимов, указательных местоимений и подчинительных союзов, заменой тематического компонента предшествующего текста личными и относительными местоимениями [Шептухина, Герасимова 2014, с. 50]. В текстах конца XVIII в. перечисленные средства также представлены.

Отличия проявляются в следующем. Во-первых, в документах конца XVIII в. активнее употребляются в качестве средства связи сочетания, в состав которых входят прономинализированные прилагательные и причастия с дейктической семантикой: *вышеписанный, вышепоказанный, вышепомянутый* и др.: *по вышеписанному, в противность вышеписанных указовъ, по силе вышепомянутых указов*. Использование данных языковых единиц, ставших впоследствии клише официально-делового стиля, свидетельствует о высоком уровне развития языка деловой письменности.

Во-вторых, исследуемые тексты различаются дискурсивными словами *де* и *якобы*. Эти маркеры чужой речи как «элементарные дискурсивные единицы поддерживают связность дискурса путем демонстрации свойств когезии и когерентности» [Боженкова 2013, с. 142].

Отметим, что *де* и *якобы*, будучи элементами разговорной речи, употребляются только в текстах середины XVIII в. и отсутствуют в качестве средства связности в текстах конца XVIII в. По нашему мнению, этот факт – яркое отражение эволюции деловой письменности, происходящей на протяжении всего XVIII столетия.

Частица *де*, широко засвидетельствованная в деловых грамотах с XV в., активно употребляется и в рассматриваемых текстах. Как показывают наши наблюдения, *де* чаще употребляется в препозиции в придаточных предложениях при указании в главном предложении источника сообщения, то есть используется в качестве средства выражения эвиденциальности. Рассмотрим пример из войсковой грамоты о поиске беглого, датированной 1735 г.: *писал <...> Иванъ Максимовичъ Шуваловъ; что де сего генваря 12(о) дня в доношени резанскаго полку от подполковника Шарфа къ его превосходителству написано а сего де генваря 11(о) дня в ночи из оного полку бѣжал и украл оного ж полку усержанта Артемья сир[...] малои сундучекъ окованъ железомъ, а в томъ де сундуке собственныхъ ево денегъ дватцать одинъ рубль* (Ф. Р-332, оп. 1, ед. хр. 1, л. 2). Как ренарративный показатель, *де* является дополнительным грамматическим средством связности чужой речи в синтаксически распространенных конструкциях, с точки зрения текстообразования обеспечивая перспекцию изложения.

Дискурсивный маркер *якобы* употребляется, как правило, в контекстах с эпистемическими значениями, то есть при указании на недостоверность чужой речи или сомнения в ее истинности. Так, в одном из рапортов встречаем: *нашей станицы казакъ тимофеи устинов свидетелствует якобы онои иванъ подлинно полетаевъ казачеи сынъ* (Ф. Р-332, оп. 1, ед. хр. 9, л. 9). Далее следует контекст, объясняющий недостоверность зависимой пропозиции: *на полном нашем станищном зборе мы справлялис присеем явилас что онои иванъ даподлинно неродной полетаеву сынъ но пасынокъ* (Ф. Р-332, оп. 1, ед. хр. 9, л. 9). Как видим, ярко выраженная прагматическая направленность дискурсивного слова *якобы* способствует структурированию текста, обеспечивая его семантическое развертывание.

В-третьих, по-разному в разновременных документах используется союз *а*. На то, что он широко употребляется в региональных документах середины XVIII в. в начале предложения обратила внимание О. А. Горбань [Горбань 2016, с. 32–33] и, ссылаясь на словарное толкование, отметила особенность его употребления («в начале развернутого повествоват. предложения (или периода) при переходе к новой мысли» (СлРЯ XVIII); такая функция у этого союза отмечается учеными и в текстах XVI–XVII вв. [Котков, Попова 1986, с. 15]. Этот союз, характерный для разговорного стиля, является репрезентантом категории когезии, выступая одним из способов оформления мысли. Однако в текстах конца XVIII в. в этой функции он не встречается, сохраняясь лишь в роли противительного союза: *послат по всему ведомству воиска донскаго къ сыскным начальникам грамоты а к вам с[...] и велеть* (Ф. Р-332, оп. 1, ед. хр. 78, л. 42);

определено в сходство одного предложения во все верховые станицы войсковыми грамотами а вамъ сего предписать (Ф. Р-332, оп. 1, ед. хр. 78, л. 1).

Таким образом, в текстах середины и конца XVIII в. состав средств связности обнаруживает как общность, так и некоторые различия, обусловленные эволюцией делового языка. В текстах документов конца XVIII в. последовательно начинают употребляться книжные по происхождению элементы – прономинализированные прилагательные и причастия с дейктической семантикой, которые впоследствии утвердятся в качестве клише делового стиля. Кроме того, деловой язык конца столетия избавляется от элементов разговорного стиля на синтаксическом уровне (дискурсивных слов *де*, *якобы*, начинательного союза *а* и др.). В этой связи можно говорить о том, что язык региональных документов конца XVIII в. ориентирован на книжную традицию и вобрал в себя черты, присущие канцелярскому языку конца этого столетия.

Список литературы

1. Боженкова Р. К., Атанова Д. В., Боженкова А. М. Процессуальные дискурсивные маркеры в свете лингвокультурных традиций русского, анлийского и немецкого языков // Вестник Российского нового университета. – 2013. № 3. – С. 142–146.
2. Горбань О. А. Разговорные элементы в текстах региональных документов XVIII века // Русская устная речь: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «II-е Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» (г. Саратов, СГУ, 18- 19 ноября 2015 г.). Вып. 2. – Саратов: Амирит, 2016. – С. 27-37.
3. Котков С. И., Попова З. Д. Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII века. – М. : Наука, 1986. – 159 с.
4. Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. – М. : Азбуковник, 2006. – 262 с.
5. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX вв. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 215 с.
6. Шептухина Е. М., Герасимова И. С. Языковые средства реализации текстовых категорий в региональных документах XVIII в. // Учен. зап. Казан. ун-та. – Сер. Гуманит. науки. – 2014. – Т. 156. – Кн. 5. – С. 41–51.

Словари

1. *СлРЯ XVIII* – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc> (дата обращения 28.11.2016).

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОБРАЗА КОНЯ КАК АТРИБУТА КАЗАКА В КУБАНСКИХ КАЗАЧЬИХ ПЕСНЯХ

Епатко Т. А.

Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков, г. Краснодар

С давних времён и до наших дней неотъемлемой частью образа казака, символом храброго, вольного казачества в народном сознании является конь. Данная статья посвящена лексико-семантической экспликации образа коня в одном из аспектов его реализации в кубанском песенном фольклоре. Было обследовано 530 текстов военных песен черноморских и линейных казаков, а также кубанских народных песен периодов гражданской войны и Великой Отечественной войны. Образ коня присутствует в 117 текстах.

В большинстве кубанских казачьих песен образ коня имеет прямую экспликацию с помощью базовых лексем *конь* (просторечный вариант *коняка*), гораздо реже – *лошадь*. Существительное *конь* часто употребляется с характерными для фольклора уменьшительно-ласкательными суффиксами *-ик-* и *-еньк-*, придающими ему положительную эмоциональную окраску, выражающую любовное отношение казака к своему коню: *коник, коныченько*.

Также в народных песнях возможна метонимическая экспликация образа коня – через наименования нескольких тематических групп: названия частей его тела: *грива, голова, нога, копыто*; через слова, называющие элементы упряжи: *седло, поводья, стремяна, сбруя*; через обозначение действий, состояний самого животного: *скакать, ржать, устать и т. д.*; через обозначение действий человека в отношении коня: *седлать, садиться, осадить и т. д.*; через наименования человека, имеющего отношение к коню: *конник, кавалерист*; через наименования конных подразделений: *конница, кавалерия, эскадрон*. Но при всём разнообразии лексических актуализаторов и «при всей широте варьирования состав смыслов, актуализируемых каждым вариантом образа, непременно включает доминантные для образа коня в целом: “быстрый”, “выполняющий работу”, “сильный”» [8, с. 183].

Как и образы казачьего оружия, образ коня в кубанских народных песнях многопланов и выражает мотив несения службы, мотив сражения, символизирует казачью доблесть. Кроме того, образ коня может эксплицировать мотив товарищества, мотив смерти казака на поле боя и мотив непобедимости казачьего войска. В данной статье рассматривается самый частотный аспект реализации этого образа – образ коня в качестве необходимой составной части казачьего воинского снаряжения. «Конь выступал непременным атрибутом полноценного воина-казака» [12, с. 203], поэтому самая частотная функция образа коня в кубанских казачьих песнях – это функция внешнего атрибута казака при отправлении его на службу или при возвращении домой. Индекс частотности – 36. Конь – обязательный элемент казачьей «справы». «В представлениях о “справе” утверждается понятие о неразъединённости героя и коня» [12, с. 203]. В этом функциональном статусе образ коня имеет как прямую, так и метонимическую экспликацию. Чаще всего народная песня описывает ситуацию проводов казака на службу или на войну:

Как седлает Александра

Свого ворона й коня,

Свого ворона й коня.

Соезжает Александра

Со широкого двора... [6, с. 28, № 11]

Именно в атрибутивной функции образ коня характеризуется наибольшим числом эпитетов, актуализирующих ассоциативные семы слова *конь* и обозначающих масть коня (*вороной, гнедой, серый*), его принадлежность (*казацкий*), функцию (*боевой*), внешнее убранство (*весь убранный серебром, с черкесским бархатным седлом, с турецким бархатным седлом, с походным вьюком*), существенный признак (*лихой, жвавый, борзый, добрый, верный, неезженный*). «В народной картине мира боевой конь непременно обладает качествами, отличающими его от обыкновенной рабочей лошади» [12, с. 205]: он умён, силен, вынослив, хорошо обучен. Любуясь казачьим конём, описывая его с разных сторон, народная песня даёт ему множество определений-эпитетов, ведь «семантическая роль эпитета – представлять предмет через его признак (выделяемый в нём или приписываемый ему)» [9, с. 211].

Особую роль в лексической реализации образа коня в кубанских песнях играет постоянный эпитет *вороной* (конь), имеющий прямое значение: «чёрный (о масти лошади)» [14, с. 212]. Этот эпитет характеризует образ коня в его различных функциональных статусах и является наиболее частотным: в исследованных текстах он встречается рядом с существительным *конь* 45 раз. Наиболее часто он употребляется и при характеристике образа коня как необходимого элемента казачьей «справы».

По мнению исследователей, в постоянных эпитетах следует различать два семантических уровня: «уровень непосредственной семантики и уровень нормативной оценки» [13, с. 139]. На уровне нормативной оценки «прилагательные имеют значение “правильный, истинный, настоящий”» [13, с. 140]. Таким образом, если конь казака *вороной*, то это «правильный» конь, а образ вороного коня в казачьих песнях – это нормативный образ коня в народной картине мира. «Норма в языке связана с оценкой “хорошо”» [13, с. 139], поэтому можно сделать вывод, что постоянный эпитет *вороной* (конь) не только обозначает масть коня, но и выражает положительную оценку его образа.

Образ коня как необходимого атрибута воина характеризуют и менее употребительные эпитеты, которые не могут считаться постоянными, но которые созданы по принципу постоянных эпитетов: они либо указывают на «желаемый признак» [3, с. 165] коня: *гнедой, серый, неезженный, весь убранный серебром, с черкесским бархатным седлом, с турецким бархатным седлом*; либо подчёркивают его «выдающееся качество» [3, с. 165]: *лихой, жвавый, борзый, добрый, верный*. Можно сказать, что и эти эпитеты выполняют функцию постоянных: определяют один из признаков коня и дают его положительную нормативную оценку в данной ситуации, тем более что те эпитеты, которые подчёркивают выдающиеся качества коня, уже изначально несут в себе сему положительной оценки.

Иногда в лексико-семантический контекст, реализующий образ казачьего коня в качестве атрибута воина, народная песня включает не один, а два определяющих его эпитета, подчёркивая особое внимание к этому образу. Первым является постоянный эпитет *вороной*, который воспринимается как одно смысловое целое с определяемым существительным *конь*. К этому смысловому единству присоединяется более подвижное определение, как, например, в песне «Поехал казак на чужбину далёко...»:

Поехал казак на чужбину далёко

На борзом коне вороном... [10, с. 336, № 2]

Из сочетания двух определений, одно из которых является постоянным эпитетом и «все определения, независимо от степени “постоянства”, указывают на конкретные признаки, несущие тематическую нагрузку» [3, с. 164], складывается разностороннее, с неизменно положительной оценкой описание коня как необходимого атрибута казака.

Итак, практически все эпитеты, характеризующие образ коня в его атрибутивном статусе, выполняют функцию постоянных эпитетов: рисуют портрет коня, описывая его различные качества, и

создают нормативный фольклорный образ казачьего коня с положительной эмоциональной окраской и оценочностью.

Необходимо отметить, что число определений, характеризующих как образ коня-атрибута, так и образ коня в его других функциональных статусах, сокращается в песнях периода Великой Отечественной войны (в исследованных текстах обнаружено 8 эпитетов.) И это закономерно. «Эпитеты сопровождают те существительные, которые служат раскрытию темы произведения, поэтому эпитеты несут большую смысловую нагрузку» [3, с. 187]. Степень важности образа коня в народных песнях периода Великой Отечественной войны снижается, так как в реальной жизни этого периода боевых лошадей всё больше вытесняет техника. Соответственно в казачьих песнях уменьшается число эпитетов, определяющих уже не столь частотный образ. При этом половина определений обозначает цвет, масть лошади (*серый, вороной, гнедой, буланый*) и не обладает эмоциональной окраской.

Если, как было показано ранее [5, с. 39], в лексическом наполнении образов оружия в их атрибутивной функции практически не участвует глагольная лексика, то в лексико-семантической реализации образа коня в кубанской песне встречается значительное количество глаголов. Это понятно, так как ассоциативная, потенциальная сема слова «конь» – это сема движения. Можно выделить три лексико-семантические группы глаголов, входящих в контекстное окружение лексемы «конь»: название действий человека в отношении коня: *седлаю/оседлаю* (коня), *расседлай* (коня), *взяла* (коня), *даю* (коня), *вэдэ* (коня), *поведу* (коня), *проведу* (коня), *свистнув* (на коня), *крыкнув* (на коня), *всунув* (ногу в стремя), *нэсэ* (сидло, збрую), *тронул* (повода); ряд глаголов движения на коне: *сяду* (на коня), *излетив* (на коня), *пуцуся* (на коне), *помчуся* (на коне), *выезжал* (на коне), *поехал* (на коне), *повертайся* (на коне), *похыльвся* (с коня); название действий, производимых конём: *скачет*, *ржёт*, *ждёт*, *стоит*, *бьёт* (копытом), *бежит*, *приведёт*, *возил*, *несы*, *гуляй*.

В отдельную лексико-семантическую группу можно выделить глаголы, обозначающие уход за конём: *холи* (коня), *корми* (коня), *укрой* (коня), *береги* (коня), *ничего не жалеи* (для коня). Все они употреблены в форме повелительного наклонения, имеют значение просьбы и употребляются при описании ситуации, когда отец или жена дают наказ казаку беречь вручённого ему коня. Вот что говорит в песне «Конь боевой с походным вьюком...» отец, собирая сына на войну:

*Холи, корми коня гнедого
И ничего ты не жалеи...
И береги своего коня,
Он твоего отца седого
Возил в огонь и из огня. [6, с. 43, № 20]*

В данном контексте глаголы *корми* и *не жалеи* (*ничего*) приобретают категориальную сему глагола *холи* – «ухаживай» и образуют контекстный синонимический ряд. Третий синоним *не жалеи* присоединяется к двум первым с помощью союза *и*, функция которого в данном случае «заключается в усилении значения, в подъёме его» [4, с. 184]. Кульминационной точкой в наказе отца сыну является употреблённый в следующем предложении глагол *береги*. Категориальная сема этого глагола дополняет и обобщает предшествующие глаголы-синонимы, становясь доминантой контекстного ряда.

В песне «Пишет молодка письмо...» жена просит мужа беречь вручённого ею коня:

*А ещё, казак, ты укрой коня
Этой же попоной, что тебе дала.
А ещё, мой милый, береги коня.*

Глаголы *укрой* и *береги* употребляются в параллельно построенных синонимичных стихах. «Синонимия как художественное средство настолько остро ощущается, что создаются параллельные стихи, в которых каждый член одного стиха синонимичен члену другого стиха» [4, с. 193]. Поэтому глаголы-предикаты соответственно становятся контекстными синонимами. Сема «береги» приобретает глаголом *укрой*, усиливая категориальную сему второго синонима.

В двух последних отрывках образ коня несколько выходит за рамки простого атрибута казака-воина. Конь – это не только необходимая часть снаряжения. Конь для казака – это друг, которого нужно любить и беречь. Поэтическая семантика слова-образа *конь* обогащается потенциальной семой «товарищ». При экспликации мотива товарищества эта сема слова-образа *конь* станет основной.

Таким образом, наиболее частотная функция образа коня в кубанских народных песнях – это функция необходимого атрибута казака-воина. При этом образ коня имеет прямую лексическую и метонимическую экспликацию, характеризуется большим количеством постоянных и эмоционально-оценочных эпитетов, подчёркивающих его нормативность в народной картине мира, а также несколькими лексико-семантическими группами глаголов, благодаря которым образ коня, сохраняя функцию атрибута, приобретает дополнительное значение: *конь – товарищ казака*.

Список литературы

1. Бигдай А. Д. Песни кубанских казаков. Том I. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1992. 440 с.
2. Бигдай А. Д. Песни кубанских казаков. Том II. Краснодар: Советская Кубань, 1995. 512 с.
3. Евгеньева А. П. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII – XIX в. в. // Труды отдела древнерусской литературы. Том VI. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 154 – 189.
4. Евгеньева А. П. Язык русской устной поэзии // Труды отдела древнерусской литературы. Том VII. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 168 – 211.
5. Епатко Т. А. Лексико-семантическая реализация образа огнестрельного оружия в кубанских казачьих песнях // Перспективы развития современных гуманитарных наук. Выпуск II. Воронеж, 2015. С. 39 – 42.
6. Захарченко В. Г. Народные песни Кубани. Вып. 1. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1987. 320 с.
7. Захарченко В. Г. Народные песни Кубани. Вып. 2. Краснодар: Советская Кубань, 1997. 586 с.
8. Илюхина Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта, Наука, 2010. 320 с.
9. Кондрашова О. В. Семантика поэтического слова. Краснодар: Изд-во Кубанского ун-та, 1998. 279 с.
10. Концевич Г. М. Народные песни казаков. Краснодар: Эдви, 2001. 448 с.
11. Мартыненко Л. Б., Уварова И. В. Песни и частушки периода Великой Отечественной войны. Краснодар: Изд-во Кубанского ун-та, 2005. 210 с.
12. Матвеев О. В. Историческая картина мира кубанского казачества: особенности военно-сословных представлений (конец XVIII – начало XX вв.): дис. ... докт. истор. наук. Краснодар, 2009. 630 с.
13. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993. 190 с.
14. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. 696 с.

ИНВЕКТИВА КАК ЯЗЫКОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Каракаш Е.И.

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти

В современной науке присутствует множество взглядов на понятие «инвектива». Так, в юридической сфере это синоним термина «оскорбление», в лингвистике инвектива может меняться, и в зависимости от цели ее употребления, а также стилистики текста, выступать в различных качествах. Применительно к художественным произведениям специалисты часто используют инвективу как дополнительное средство выразительности, усиливающее смысловую направленность текста.

Функция такой инвективы – придание образности и выразительности речи героев. Основные признаки, позволяющие выделить это лингвистическое явление в тексте: 1) гневный пафос; 2) наличие адресата (явного или скрытого); 3) амплификация.

Исследователями отмечаются также грамматические категории, которые указывают на присутствие условной инвективы в произведении. В первую очередь, это формы местоимений, создающие оппозиции «я – ты», «я – вы», реже «мы – вы». Второй признак – переходность глагольных наклонений (из изъявительного в условное либо в повелительное). Не случайна и смена временных форм глагола (прошедшее время переходит в настоящее, затем в будущее). Некоторые исследователи, в частности Бралина Г.М. полагает, что возможен и более быстрый переход категорий времени, когда звено «настоящее время» опускается. В этом случае инвектива звучит жестче.

Рассмотрим, как она может проявляться в конкретных художественных произведениях, на примере поэзии А. Ахматовой. В первой строке стихотворения «А, ты думал, я тоже такая?» содержится риторический вопрос, который включает в себя обвинение адресата. Лирическая героиня гневно спрашивает бывшего возлюбленного, как именно он представлял себе ее характер. Далее следует перечисление предположительных мыслей лирического героя: «*Что можно забыть меня / И что бросаешь, моля и рыдая, / Под копыта гнедого коня. / Или стану просить у знахарок / В наговорной воде корешок / И пришлю тебе страшный подарок - / Мой заветный душистый платок*». Однородные сказуемые «стану просить», «пришлю», «бросаешь» и деепричастный оборот «моля и рыдая», придают тексту экспрессию и содержат в своем значении иронию. Это придает инвективный характер речи героини.

Вторая часть стихотворения указывает на возмездие, которое в скором времени ожидает персонажа: «*Будь же проклят!*» - Ахматова использует восклицательное предложение, которое в контексте с семантикой краткого причастия «проклят» образует яркую, сильную инвективу. В русском национальном сознании проклятие – одна из самых страшных форм презрения. Поэтому в данном стихотворении условная инвектива служит средством передачи мощного энергетического посыла в адрес лирического героя. Также угроза выражается в экспрессивных повторах предиката «*клянусь*» и обилием частиц «не» и «ни» перед глаголами, что означает обещание полного отстранения и говорит о невозможности воссоединения бывших влюбленных. В последней строке стихотворения: «*Я к тебе никогда не вернусь*» используется наречие со значением отрицания возможности примирения. Это вывод, который делает героиня Ахматовой, суровый приговор «злодею», который посмел плохо подумать о ней.

Сам адресат выражен эксплицитно (явно), для его обозначения поэт использует личное местоимение 2 л., ед. ч. «ты». Лирическая героиня представлена местоимением 1 л., ед. ч. «я». Такие

грамматические формы позволяют автору создать оппозицию «я» - «ты», что помогает читателю почувствовать разобщенность персонажей.

Все эти приемы помогают поэту усилить действие условной инвективы и тем самым сделать речь героев более эмоциональной и выразительной. Также инвектива придает драматизм сюжету стихотворения, так как в его центре – эмоциональная напряженность отношений героев.

В качестве языкового явления инвективу, в том числе и в художественных текстах, отмечают на синтаксическом уровне. Стихотворение «Всё расхищено, предано, продано» с первых строк создает у читателя ощущение безысходности. Начальная строфа состоит из одного предложения, в котором преобладает перечисление предикатов с негативной семантикой: «*предано*», «*продано*», «*расхищено*», «*мелькало*» (крыло черной смерти), «*изглодано*». Стихотворение содержит две смысловые составляющие: 1) нечто страшное, голод, смерть; 2) сплочение людей через общую беду. Местоимение «*мы*» используется не случайно. В отличие от предыдущего стихотворения здесь нет оппозиции, потому что главной идеей выступает не разобщение, а объединение персонажей. Позитивный риторический вопрос, с которым героиня обращается к адресату-сообщнику, завершает предложение. Судя по контексту произведения, обращение адресовано всему русскому народу: «*Отчего же нам стало светло?*». Горькое инвективное перечисление однородных сказуемых завершает антитеза, с ее помощью делается переход ко второй смысловой части.

Инвектива, резко брошенная лирической героиней в начале текста, постепенно смягчается. Гневный вызов обращен не к лирическим героям, а скорее к событиям, совершённым в прошлом. Эти действия преподносятся как факт, уже ставший частью истории, следовательно, угрозы за содеянное не предполагается. Адресат, на которого направлена инвектива, не является конкретным персонажем, поэтому его, согласно трудам Матяш С.А., можно считать имплицитным, абстрактным.

Вторая строфа – это пейзаж мирного июльского дня, описание великолепия природы, в которой все идет своим чередом: «*Днем дыханьями веет вишневыми / Небывальй над городом лес, / Ночью блещет созвездьями новыми / Глубь прозрачных июльских небес...*». Мелодика стиха передает ощущение покоя и умиротворенности. В контексте со следующими строками природа перед лицом человечества предстает как нечто возвышенное, дарит надежду на лучшее: «*И так близко подходит чудесное / К развалившимся грязным домам, / Никому, никому не известное, / Но от века желанное нам*». Легкая ирония передается на синтаксическом уровне с помощью контраста и экспрессивного повтора. Неопределенное местоимение «*никому*» имеет отрицательную коннотацию и приводится в тексте дважды. Противительный союз «*но*» сглаживает экспрессию, оставляя персонажей с надеждой, которая поможет героям перенести тяжелые времена. Отглагольное прилагательное «*желанное*» и существительное «*чудесное*», образованное от прилагательного, указывают на тесную связь между чувственным восприятием персонажей и реальным миром. Чудо как синоним слова «*чудесное*», по мнению лирической героини, может быть «*не известное никому*», но главное, чтобы каждый в отдельности верил в лучший исход событий. И тогда вторая смысловая категория – «*мы*» (русский народ) будет преобладать над первой (нищетой, предательством, голодной тоской).

На наш взгляд, в данном стихотворении Ахматова предполагает позитивный финал, т.к. инвектива присутствует лишь в начале произведения, являясь отправной точкой сюжета. Далее стихотворение строится преимущественно на словах с положительной семантикой с использованием повествования.

Таким образом, инвектива, встречающаяся в художественных текстах, может выражаться по-разному. Она бывает как обличительной, резкой, так и смягченной отсутствием явного адресата.

Используется автором для того, чтобы придать речи героев яркую экспрессивную окраску, а также реализовать определенную идею произведения и внести динамику в развитие сюжета.

Список литературы

1. Ахматова, А. А. Малое собрание сочинений [Текст] / А. А. Ахматова. – М. : Азбука, 2012. – 624 с.
2. Голев, Н. Д. Письменная коммуникация нашего времени: основные векторы развития [Текст] / Н. Д. Голев // Вестник Томского государственного университета: сб. науч. ст. – Томск: Изд-во ТГУ, 2012. - №2(18). – С. 5-17.
3. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров (коммуникативный аспект) [Текст] / под ред. М. М. Гиршмана, М. Н. Дарвина и др. / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.
4. Курьянович, А. В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации [Текст] / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета: сборник науч. ст. Серия: «Гуманитарные науки. Филология». – Томск: Изд-во ТПГУ, 2005. - №3(47). – С. 106-112.
5. Матяш, С. А. Жанр инвективы в поэзии Ф. И. Тютчева [Текст] / С. А. Матяш // Вестник Оренбургского государственного университета: сборник науч. ст. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2007. - №77. – С. 36-43.

ВТОРИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННЫЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ РЯДЫ В СТРУКТУРЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Мелькумянц В.А.

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог

Вопросительные ряды (ВР), или многозвенные вопросы (МВ), представляют собой сочетание нескольких вопросительных предложений, следующих одно за другим и связанных между собой по смыслу, структурно и интонационно; это определенная синтаксическая структура, компоненты которой объединяются общей функционально-коммуникативной установкой, т.е. выражают вопрос. Членами таких рядов могут быть как местоименные, так и неместоименные вопросительные предложения, а сами МВ реализуются в форме простого предложения, сложного предложения и сложного синтаксического целого.

В структуре сложноподчиненного предложения МВ существует в виде сочетания главных частей (это первичные ВР) или как соединение изъяснительных придаточных, которое, благодаря скрепляющей роли главной части, основано на их грамматической и функциональной однородности (вторичные ВР, рассматриваемые в статье): *...У очень богатых людей неловко бывает спрашивать, для чего им так много денег, **отчего** они так дурно распоряжаются своим богатством, **отчего** не бросают его, даже когда видят в нем свое несчастье. (А. Чехов.); ...Простите, я не знаю, **как** вас зовут и **какой** пост вы занимали в ... Партенопейской республике... (М. Алданов.)*

Данная форма вопросительного ряда представлена двумя моделями: *моделью косвенного вопроса* и *моделью, не соотношенной с прямой речью*, где опорное слово или сочетание в главной части обычно не имеет семантики речи.

Семантическая совместимость нескольких вопросительных предложений обусловлена рядом факторов. Для компонентов МВ характерно наличие общих признаков. Ими являются: 1) коммуникативная функция, лексико-грамматическое значение вопроса; 2) в семантическом плане члены ВР объединяются общим содержанием, общей идеей, отражающей некоторые факты объективной действительности, т.е. содержат объединяющий семантический компонент (ОСК), без которого не может существовать вопросительный ряд. Объединяющий семантический компонент – это обозначение лица, предмета, явления, признака, действия, ситуации и т.д., о которых идет речь и относительно которых задается вопрос во всех членах ВР. Этот объединяющий компонент выражается одинаковыми или разными формами и выполняет одни и те же или различные синтаксические функции.

ОСК во вторичных ВР может иметь следующие проявления:

а) выражается лексически в каждом компоненте вопросительного ряда: *Хотелось бы узнать, как долго сохраняется качество изображения на видеокассетах и как их лучше хранить?* («Аргументы и факты».) – здесь ОСК мыслится как предмет и имеет формы “на видеокассетах” – “их”. Значение ОСК может восстанавливаться из контекста: *Скажи мне, ветка Палестины, где ты росла, где ты цвела? Каких холмов, какой равнины ты украшением была?* (М. Лермонтов.) – значение ОСК (мыслится предмет, ветка Палестины, выражен формами “ты” – “ты” – “ты”) ясно из контекста – главной части;

б) объединяющий компонент в неполных придаточных, имея лишь семантическое выражение, восстанавливается синтагматически (из контекста или ситуации): *«Ну, скажи же, пожалуйста, что ты делал за границей? где был?»*, – сказал Степан Аркадьич... (Л. Толстой.) – ОСК указывает на лицо, в членах ряда он выражен лексически и семантически и имеет формы “ты” – [ты];

в) ОСК может не иметь форм выражения ни в составе ВР, ни за его пределами, но в семантике ряда он присутствует: его функцию выполняет коммуникативная направленность членов МВ, определяющаяся общей темой, внутренней целью вопроса, эмоциональным состоянием спрашивающего и т.п.: *По утрам, пока не было еще свежих газет, Комиссар нетерпеливо выпрашивал у сестры, какова сводка, что нового передали по радио, какая погода и что слышно в Москве.* (Б. Полевой.) – компоненты ряда объединяются заинтересованностью спрашивающего в получении информации, помогающей представить обстановку на фронте.

Иногда члены ВР зависят в смысловом плане от одного вопросительного компонента – общего вопроса. В данном случае общий вопрос понимается как член ряда, обобщенно выражающий неизвестный признак, в той или иной мере присутствующий в каждом компоненте ВР, и задающий тему всему вопросительному ряду. В этом отношении общий вопрос сходен с зачином сложного синтаксического целого: это наиболее самостоятельный компонент вторичного ВР, он характеризуется большей свободой своего строения, тогда как части, зависящие от него по смыслу, могут зависеть и структурно. Содержание общего вопроса уточняется, конкретизируется, дополняется содержанием других членов ВР: *Извиняюсь, конечно, за нескромность, но все-таки скажите: каков ваш муженек? Ну, какого он роста из себя?* (М. Шолохов.); *Мы... просто хотим понять – что же с ними, с молодыми, происходит, почему так странно, так нелепо ведут себя?* (Л. Жуховицкий.) – первые компоненты обоих ВР являются общими вопросами и уточняются следующими за ними членами ряда, которые и требуют ответа.

По наличию вопросительных местоимений сочетания вопросительных компонентов можно разделить на три группы: 1) ВР с разными вопросительными местоимениями; 2) ВР с повторяющимися местоимениями, но с разным содержанием компонентов ряда; 3) сочетание придаточных частей, в которых, при повторении местоимения, содержание вопросов тоже повторяется.

Первая группа наиболее многочисленна. Сюда входят МВ, которые не только включают разные вопросительные местоимения, но и разнообразны по своему семантическому содержанию: такие ВР носят характер описательности, поскольку запрашивают о широкой информации, касающейся ОСК, «описывают» все элементы, о которых нужно получить сведения: *Вера знала, что через минуту Зойка, одумавшись, спросит, как, да что, да за сколько договорились.* (Ю. Трифонов.); *...Позовите Евсея да расспросите путем, отчего это Сашенька такой задумчивый и худой и куда делась его волоски?* (И. Гончаров.); *Кто говорил, что говорили, – этого Штааль не помнил.* (М. Алданов.)

Вторая группа включает МВ с повторяющимися вопросительными местоимениями. Подобные конструкции характерны для поэтической, публицистической речи. Повторяющиеся местоимения выделяют предмет запроса, сосредоточивают на нем внимание, подчеркивают смысловую и эмоциональную значимость вопроса, – это выделительные, или стилистические, ряды: *«Но скажите, – Женя дотронулась до моего рукава пальцем, – скажите, почему вы с ней всё спорите? Почему вы раздражены?»* (А. Чехов.)

Третью группу составляют сочетания придаточных частей, лексически повторяющих друг друга; они не являются ВР. Это риторические фигуры, выражающие заинтересованность говорящего в характере ответа: они всегда эмоционально окрашены, так как обычно употребляются в состоянии сильной взволнованности, поэтому часто предложения бывают неполными. Подобные сочетания в структуре сложноподчиненного предложения очень редки: *«Скажите мне, ну, что там нового?» – спросил Иван Дмитрич. – Что там?»* (А. Чехов.)

Кроме перечисленных трех групп, встречаются сочетания переходного характера, когда в цепочке вопросов совмещаются признаки нескольких групп: *Монахи тоже заплакали и с участием стали расспрашивать, зачем он плачет, отчего лицо его так угрюмо...* (А. Чехов.) – ВР обладает признаками 1 и 2 групп: разные местоимения с одинаковым значением (= почему?) и разное содержание вопросов.

Вторичные ВР обладают следующими признаками: подчиняются отдельному опорному слову или словосочетанию в главной части и имеют одинаковую синтаксическую отнесенность; соединены сочинительной или бессоюзной связью; имеют вопросительную интонацию, причем в парцелированных конструкциях у каждого парцеллята самостоятельная интонация законченности, но при этом объединяющая функция главной части не ослабевает; могут занимать препозицию или постпозицию по отношению к главной части.

В *модели косвенного вопроса* наиболее ярко проявляется семантика вопросительности. Косвенному вопросу присущи те же признаки, что и сложноподчиненному предложению: смысловая неполнота опорного слова в главной части восполняется вопросительной придаточной частью, от целевой интеррогативной установки которой зависит семантика, характер лексического наполнения главной части. Однако соотносительности между опорным и вопросительным словами нет, поскольку выбор союзного слова зависит от содержания вопроса.

Отличие косвенного вопроса от других типов косвенной речи и придаточных изъяснительных обусловлено использованием в нем определенных лексических средств, организующих данную конструкцию. Такими средствами являются опорные глаголы, обладающие семой поиска информации, имеющие обобщенно-лексическое значение вопроса (*спросить, допытываться, осведомиться, вопрошать*

и т.п.); они отграничивают косвенный вопрос от других типов косвенной речи: ...Я как-то спросил у Марата, чем Зейнаб кормила своего удава и если кроликами, то где их брала. (Ф. Искандер.); Накричавшись досыта, он [комендант] без всяких переходов и пауз осведомился, откуда офицеру носят обед и сколько он за него платит. (А. Куприн.); Всех, кто клеветает на имя моего отца, хватать и допрашивать под пыткой, откуда эта клевета, кто сеет слухи... (В. Полупуднев.)

Распространенным средством ввода косвенного вопроса являются устойчивые сочетания глаголов с существительным *вопрос*, которые соотносятся с вводящими прямую речь словами и синонимичны глаголу *спросить*: *задать вопрос, обратиться с вопросом, остановить вопросом, засыпать вопросами* и т.п. В таких сочетаниях глаголы выполняют вспомогательную функцию, а основную, лексическую и стилистическую, – существительное: Корсаков осыпал Ибрагима вопросами, кто в Петербурге первая красавица? кто славится первым танцовщиком? какой танец нынче в моде? (А. Пушкин.); Миллионы страстных поклонников, глядя на портрет, задаются вопросом: кем была она, почему всегда улыбается «Джоконда» Леонардо да Винчи? («Аргументы и факты».) Многообразны ВР, представленные *моделями, не соотносящимися с прямой речью*: обычно в этом случае опорное слово или сочетание не имеют значения говорения.

В наибольшей степени семантика вопросительности проявляется в придаточных частях данной модели в следующих случаях:

1) в качестве опорных выступают глагольные формы, которые обозначают процессы познания, интеллектуальной деятельности и имеют общее значение выяснения; круг таких глаголов довольно широк: *советоваться, вычислять, соображать, установить* и т.д.: ...Вронский вышел на крыльцо дома Карениных и остановился, с трудом вспоминая, где он и куда ему надо идти или ехать. (Л. Толстой.); Я и хотел с вами посоветоваться, как это вообще делается? С чего начинать? (Ю. Трифонов.)

Иногда, при выражении говорящим эмоционального отношения к высказываемой мысли, в качестве опорного слова ВР выступают глаголы со значением чувств, эмоций. Эти глаголы широко используются при введении прямой речи, но редко присоединяют вопросительные придаточные, поскольку «косвенная речь связана с логическим, а не эмоциональным строем» [Валимова 1967: 301]: Иногда оторопь берет, как помочь, как решить эти вопросы. (В. Астафьев.);

2) опорный глагол со значением выяснения, мыслительной деятельности, речи имеет форму императива или входит в сочетание, содержащее семантику побуждения: Объясните же мне, к чему вы здесь? Как вы сюда попали? (А. Чехов.); Ну расскажи, с кем ты, в какой части, кто с тобой из хуторных? (М. Шолохов.); ...Я прошу вас сказать мне, что такое между вами? в чем вы обвиняете ее? (Л. Толстой.);

3) опорные глаголы выяснения самостоятельно или в сочетании со вспомогательными глаголами *хотеть, стараться, стремиться* и предикативами *надо, нужно* выражают значение намерения, желательности, заинтересованности: Философу чрезвычайно хотелось узнать обстоятельнее: кто таков был этот сотник, каков его нрав, что слышно о его дочке... как у них и что делается в доме? (Н. Гоголь.); ...Он... старался понять, что с ним и как он сейчас видел Татьяну?.. (И. Тургенев.); Я ждала тебя третьего дня, вчера и теперь посылаю узнать, где ты и что ты? (Л. Толстой.);

4) главная часть содержит семантику отрицания знания, мыслительной деятельности, передачи или выяснения информации: И знать вам также нету нужды, где я? что я? в какой глуши? (М. Лермонтов.); Но Дмитриев не задумывался: за что ему такое блаженство? Чем он заслужил его? Почему именно он?.. (Ю. Трифонов.); Я не понял из твоих слов, сказанных недавно, почему может опостылеть моя земля?

Почему я в один день... смогу сбежать отсюда?.. (Г. Гулия.) В то же время значение утверждения, положительности знания, восприятия, передачи информации нейтрализует вопросительность: *Теперь она знала... кто за кого и как и чем держится и кто с кем и в чем сходятся и расходятся...* (Л. Толстой.); *Татьяна видит с трепетаньем, какую мысль, замечаньем бывал Онегин поражен, в чем молча соглашался он.* (А. Пушкин.); *Я сказал, откуда эта информация и кто ее дал.* («Аргументы и факты»);

5) придаточные части находятся в препозиции по отношению к главной; препозиция способствует логическому выделению вопроса, хотя в качестве опорного слова могут быть глаголы с семантикой, нейтрализующей вопросительность: *Зачем спешишь к родному краю и что там ждет тебя? – не знаю.* (М. Лермонтов.); *Когда и в какое время он поступил в департамент и кто определил его, этого никто не мог припомнить.* (Н. Гоголь.); *А вот на холме показался одинокий тополь; кто его посадил и зачем он здесь – бог его знает.* (А. Чехов.); *И где, и кто молотит, – мог узнать по стуку Моргунок* (А. Твардовский.)

Таким образом, возникновению вторичных местоименных ВР в структуре сложноподчиненного предложения способствуют следующие факторы: наличие объединяющего семантического компонента; целевая установка главной и придаточных частей; наличие в главной части определенных лексических средств; заключенное в главной части модальное значение побуждения или заинтересованности, намерения, желательности; выраженная также в главной части семантика отрицания интеллектуальной деятельности, выяснения или передачи информации; препозиция придаточных частей по отношению к главной части.

Список литературы

1. Валимова Г.В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. – Ростов-на-Дону, 1967. – 331с.

ОБЩЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ДУХОВНОЕ ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ: ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА СО СТУДЕНТАМИ-МЕДИКАМИ

Салашник Т.В.

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского

«Известно, что врачи узнают, здоров человек или болен, осматривая язык. Можно сказать, что и наши слова служат верным признаком здоровья или болезни нашей души» (Святитель Тихон Задонский).

Психологи считают, что использование нецензурной лексики свидетельствует о духовной, эмоциональной и психической слабости человека, о боязни окружающего мира.

Общественная лексика все чаще используется в среде молодых людей. Студенческая молодежь, а именно будущие врачи, учителя употребляют нецензурные слова, не задумываясь о том, что это снижает не только их собственный культурный уровень, но и уровень нации в целом.

Для того чтобы каким-то образом повлиять на процесс снижения культурного уровня, в частности, замедлить его развитие, мы предлагаем подробно рассматривать со студентами явление мата на занятиях по русскому языку, вскрывать сущность этого явления и выявлять все пагубные последствия его использования.

Так, при знакомстве с разными видами лексики можно сделать акцент на том, что мат, как неотъемлемая составляющая просторечия, находится за пределами литературного языка и является

табуированной лексикой. В связи с чем необходимо помнить, что использование просторечных элементов в речи недопустимо и является показателем низкой культуры человека.

На занятиях феномен мата может рассматриваться не только с лингвистической позиции (работы В. И. Карасика, В. И. Жельвиса, В. М. Мокиенко), но и в литературоведческих (А. Н. Афанасьев), мифологических (воззрения древних славян) и религиозных контекстах.

В.М. Мокиенко считает, что обсценная лексика и нецензурная брань – это эмоционально-экспрессивная реакция на неожиданные и неприятные события, слова, действия и т.д. Автором предлагается подробная классификация русской бранной лексики и фразеологии по функционально-тематическому принципу. Исследователь выделяет следующие основные группы: наименования лиц (глупый, непонятливый человек, подлый, низкий, ничтожный человек, продажная женщина), наименования социально табуированных частей тела, наименование процесса совершения полового акта, наименование физиологических функций, наименование «результатов» физиологических отправлений. (Мокиенко 1986).

В.И. Жельвис выделяет следующие функции данной лексики: средство понижения социального статуса адресата, функция пароля, привлечения внимания, представить себя человеком «без предрассудков», для самоуничижения, как междометие, как средство вербальной агрессии, передача оппонента во власть злых сил и др. (Жельвис 2001: 121).

Во время дискуссии со студентами акцент делается на то, что, все вышеперечисленные функции направлены либо на унижение другого человека и агрессию, либо на поддержание собственного эго. У людей же плохо владеющих языком – просто для связки слов.

Русский матерный язык есть наследие языческих верований, как славянских, так и индоевропейских. Во времена магических цивилизаций древности люди считали, чтобы выжить, надо привлечь на свою сторону энергии темных сил – падших ангелов, которых было принято называть «богами». Это делалось не только с помощью жертвоприношений, но и с использованием специальной сакральной лексики, часто сексуального характера. Б.А. Успенский отмечает: «матерщина имела отчетливо выраженную культовую функцию в славянском языке, ... широко представлена в разного рода обрядах явно языческого происхождения – свадебных, сельскохозяйственных и т.п., - то есть в обрядах, так или иначе связанных с плодородием: матерщина является необходимым компонентом обрядов такого рода и носит, безусловно, ритуальный характер» (Успенский 1994: 67).

Можно выделить и религиозный аспект проблемы. С духовной точки зрения, мат – это антимолитва. Через бранные слова происходит поклонение темным силам и человек отступает от Творца (Правда о русском мате, 2014; С.17) Принятие христианства на Руси положило конец использованию подобной лексики. Важнейшей духовной задачей стало преодоление в людях прежних языческих законов нравственности, формирование христианской морали и введение табу на сакральную лексику.

В силу специфики студенческой аудитории (студенты-медики) особый акцент может быть сделан на результатах естественно-научных исследований последних десятилетий, доказавших, что пребывание в атмосфере мата помимо возникающего гормонального дисбаланса в организме вызывает еще и мутацию молекул ДНК, употребление нецензурной лексики влияет на физиологическое состояние человека. «Организм и его генетический аппарат в ряде случаев поступает в соответствии с введенными человеком извне речевыми управляющими воздействиями» (Гаряев 1997). Также было выявлено, что у людей, использующих мат в своей речи, гораздо быстрее наступают возрастные изменения, они выглядят намного старше своих сверстников.

Для того чтобы побудить слушателей к дискуссии, лекция или занятие должны иметь интерактивный характер, включать проблемные вопросы и задачи. Например, определите место мата в русском языке как части лексики. Каковы функции мата? Может ли с вашей точки зрения быть оправдано употребление матерных выражений? Каково ваше отношение к мату? Необходимо вызвать студентов на диалог, выслушать их мнение о том, насколько оправдано или неоправданно использование обценной лексики в современном обществе. Важно выяснить причины, по которым молодое поколение обращается к подобной лексике.

С целью выявления причин использования нецензурной лексики в конце подобного занятия студентам можно предложить поучаствовать в анкетировании „Мат в вашей жизни“. Для получения более точного ответа на поставленный нами вопрос анкету лучше проводить анонимно. Респонденты указывают только свой пол. Вопросы могут быть следующими:

- Как ты думаешь, почему люди в своей речи употребляют бранные слова, ругательства?
- Если ты используешь в своей речи бранные слова, то объясни почему?
- Как часто ты произносишь эти слова?
- В каких ситуациях это происходит?
- Как ты думаешь, плохо это или нет?
- Что ты чувствуешь, когда произносишь такие слова?
- Как ты думаешь, что чувствуют или думают другие люди, когда слышат, как ты произносишь бранные слова?
- Что ты чувствуешь, когда при тебе кто-то ругается матом?
- От кого ты чаще всего слышишь подобные слова?
- Как ты думаешь, что нужно сделать, чтобы люди (дети) не употребляли бранных слов?
- Что нужно сделать, чтобы ты не употреблял эти слова?
- Хочешь ли ты, чтобы твои будущие дети в своей речи использовали бранные слова? Почему?

Воздействие матерных слов на окружающих аналогично пассивному курению, когда от табачного дыма страдает не только курящий, но и люди, находящиеся рядом с ним. Речь идет о здоровье целой нации, о духовном здравоохранении. Мат приводит к деградации русского языка, к его угасанию как великого мирового языка (Правда о русском мате 2014: 35).

Задача филологов помочь молодому поколению осознать глобальность данной проблемы и донести до них факт неоправданности употребления нецензурной лексики.

В конце занятия преподаватель вместе со студентами приходит к выводу, что умение красиво и правильно говорить – это признак высокой культуры человека, показатель его принадлежности к интеллигентному обществу. «Совершенствовать свой язык – громадное удовольствие, не меньшее, чем хорошо одеваться, только менее дорогое...» (Лихачев 2007: 27).

Список литературы

1. Горяев, П.П. Волновой генетический код. - М., 1997. - 108 с.
2. Жельвис, В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир, - 2001. - 350 с.
3. Лихачев, Д.С. Воспоминания. - М., 2007. – 423 с.
4. Мокиенко, В. М. Образы русской речи. - М., 1986. - 278 с.

5. Правда о русском мате. Епископ Митрофан (Баданин). – Санкт-Петербург – Мурманск: Изд. Библиополис, 2014. – 32 с.
6. Успенский, Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Избранные труды. Т.2. – М., 1994. – С.53-128.

**СЕКЦИЯ №17.
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)**

**СЕКЦИЯ №18.
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)**

**СЕКЦИЯ №19.
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)**

**РАБОТА С МЕНТАЛЬНЫМИ КАРТАМИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ
НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ**

Беляева И.Г.

Московский государственный институт международных отношений, г. Москва

Ментальная карта или интеллект-карта (mind map) как один из методов представления и изложения материала была разработана ещё в 70-е годы XX века психологом Тони Бьюзенем, но наибольшее распространение получила в настоящее время благодаря развитию компьютерных технологий, которые упростили процесс составления ментальных карт, сделали их более наглядными, яркими, что облегчает восприятие материала.

Mind map во многих странах зарекомендовал себя как достаточно эффективный метод запоминания и хранения информации. Обычно при использовании приёмов мнемоники студенты пользуются уже готовыми результатами. «Наукой доказано, что 80% информации, которую слышит школьник на уроке, забывается в тот же день, если учащийся самостоятельно над ней не поработал (повторил, проговорил, записал), 20% сохраняется в памяти несколько дольше, в зависимости от уровня ее актуальности для обучаемого» [Андрианова]. Преимущество mind map перед другими мнемотехниками заключается в том, что студенты сами и разрабатывают ментальные карты, и пользуются их результатами. Студенты систематизируют, классифицируют новый материал, постоянно возвращаясь к написанному, и тем самым многократно повторяя материал. В основе работы с ментальной картой лежит не механическое, а смысловое запоминание.

«Экономика XXI века требует более новых профессий. Более 40 профессий исчезнут и появятся новые, более ста. Есть такие отрасли, которые за 20 лет успевают взлететь и упасть. Умирают профессии в сфере сервиса и интеллектуальных сферах, и в ближайшее время произойдет перелом. В течение жизни люди будут вынуждены менять свои виды деятельности, свой род занятий и свои профессии, и они должны быть готовы к этому» [Мамукина:23]. Выпускник вуза – это не копилка готовых знаний, а человек,

умеющий самостоятельно добывать знания, умело их использовать в своей будущей профессиональной деятельности. Ментальную карту можно рассматривать как один из видов самостоятельной работы высокой результативности. Ментальная карта учит самостоятельно находить необходимую информацию, её систематизировать, структурировать. Ментальная карта как один из видов самостоятельной работы может использоваться в обучающих (введение нового материала, обучение самостоятельной работе с информацией, логическому мышлению, навыку отбора языковых средств для построения высказывания); тренировочных (отработка лексического и грамматического материала, формирование навыков монологического высказывания по определённой теме); закрепляющих определённые навыки; развивающих (мышление, память); творческих целях (индивидуальное составление и оформление ментальных карт, индивидуальная подача материала); а также с целью, как итогового контроля, например, семестрового, для оценки «компетенций, приобретённых студентами в течение семестра» [Тимакова:269], промежуточного, так и текущего, если предложить студентам изложить полученные на уроке знания в виде ментальной карты, а также, например, «для контроля понимания текста» [Дорохова: 172].

Работа на уроке при помощи ментальной карты может быть индивидуальной, что более эффективно с точки зрения усвоения материала; фронтальной, кооперативно-групповой, дифференцированно-групповой.

Опора на mind map во время выступления или доклада предотвращает механическое считывание студентами текста с листа, облегчает восприятие и запоминание информации, изложенной в докладе. Файл ментальной карты доклада может быть сохранен и использован в дальнейшем обучении. Также полезным может быть составление карт, фиксирующих аудио тексты на занятиях по аудированию.

Создание ментальных карт не является пассивным видом деятельности, оно побуждает студента к активной мыслительной деятельности, направленной на структурирование материала, поиска новых связей. При этом составление ментальных карт не требует от студентов много времени, особых усилий, кроме напряжённой умственной деятельности, благодаря несложным, доступным программам, а также в связи с тем, что «кафедра немецкого языка МГИМО обладает ... хорошей материально-технической базой» [Орехова:110-111].

«Сегодняшнюю эпоху называют эпохой глобализации» [Меркиш: 5], в связи с этим практически любой студент сталкивается с проблемой запоминания большого количества информации, а на уроках иностранного языка особенно на начальном этапе с большим количеством новых слов.

В данной статье рассматривается работа с ментальными картами, с точки зрения работы над активным словарём студентов, начинающих изучать немецкий язык.

Например, второй текст урока один *Unsere Universität* пособия «Немецкий язык от простого к сложному» [Головина: 38] содержит 80% новых лексем. Темой данного урока является университет. Так как основная наша цель - работа над словарём, то по необходимости, не нарушая наглядности, одна ветвь ментальной карты может содержать не только одно слово, но и его синоним; глагол, например, управление, что акцентирует внимание студентов на более трудных для запоминания моментах. Разработав ментальную карту, студенты начинают хорошо ориентироваться в материале; лексические единицы учатся не изолированно, а в связи с другими лексическими единицами по данной тематике, проще становится «говорящему отыскать нужную лексему в момент продуцирования речи»

[Ширяева: 35]. Студенты, создав ментальную карту, начинают понимать, в какой ситуации используется данное слово; могут обосновать своё наполнение ментальной карты, отстоять свою классификацию. Mind map даёт широкий выбор различных видов деятельности на уроке для отработки наиболее сложных моментов. Например, в ментальной карте чётко может быть отражена разница таких понятий как *Lektion* и

Unterricht. При работе с ментальной картой на уроке могут быть закреплены особенности употребления оборота *es gibt*, глагола *studieren* в значении «где?» и «что?».

Преимуществом ментальных карт является самостоятельно разработанный студентами, изложенный на одном листе, оформленный при помощи графических средств материал, что делает его наглядным, более доступным для понимания и запоминания.

Список литературы

1. Андрианова О.В. Новые подходы к организации самостоятельной работы на уроках биологии <http://festival.1september.ru/articles/608123/>
2. Головина Л.В. Немецкий язык от простого к сложному: Учебное пособие для уровня А1-А2/ Л.В. Головина, В.В. Шлыкова -М.:ТЕЗАУРУС, 2012. – 352с.
3. Дорохова Ю.Э. Музыка в преподавании иностранного языка как средство реализации коммуникативно-деятельностного подхода/ Ю.Э. Дорохова// Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции «Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур». – Белгород: Политерра, 2013. С. 166-174.
4. Мамукина Г.И. Оптимизация методов обучения иностранным языкам, как одна из актуальных проблем российского образования/ Г.И. Мамукина//Современное языковое образование: инновации, проблемы, решения. Сборник научных трудов.- М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014.- С.
5. Меркиш Н.Е. Иноязычные массмедиа и особенности их использования в процессе обучения иностранному языку / Н.Е.Меркиш // Иностранные языки в школе. - 2016. - №1. - С. 2-8.
6. Орехова О.Е. Формирование языковых компетенций студентов факультета журналистики МГИМО / О.Е. Орехова // Филологические науки в МГИМО. Сборник научных трудов № 41(56). - М.: МГИМО-Университет, 2010.- С.107-113
7. Тимакова И.Г. Виды контроля в преподавании немецкого языка по специальности "Юридический перевод" / И.Г.Тимакова // Профессионально-ориентированное обучение ин. языку и переводу в вузе: материалы международной конференции, 25-26 марта. - М., 2008. - С. 269-274.
8. Ширяева Н.В. Роль психолингвистики в совершенствовании учебного процесса (Основные понятия психолингвистики)/ Н.В. Ширяева// Сборник тезисов межвузовской научно-методической конференции «Традиционные и новые концепции, методы и приемы обучения иностранным языкам»- М.: МГИМО - Университет, 2000. – С.34-35

ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ОТЫМЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Панасюк И.В.

Санкт-Петербургский государственный университет г. Санкт-Петербург

Аффиксальные способы образования прилагательных от имен собственных в английском языке отражают основные тенденции словообразования, присущие прилагательным как части речи, однако характеризуются преимущественным использованием определенных моделей, которые не являются широко распространенными в других аффиктивных классах. В качестве примера суффиксального словообразования

можно привести отыменные прилагательные с суффиксом *-esque* (*Lennonesque*), которые в современном английском языке приобретают все большую популярность. В то же время в других классах прилагательных данный суффикс зафиксирован в ограниченном количестве слов-заимствований, пришедших в английский язык из итальянского языка через французский, например, *picturesque*, *grotesque* и т.д., и не используется для создания новых прилагательных.

Префиксальные модели образования отыменных прилагательных в настоящее время являются мало исследованной областью. Это отчасти можно объяснить тем, что такие конструкторы представляют собой образования второго порядка – на первом этапе от имени существительного собственного, например, *Dickens*, образуется суффиксальным способом отыменное прилагательное, *Dickensian*, которое, в свою очередь, служит производящей основой для префиксального образования отыменного прилагательного *sub-Dickensian*. Такие прилагательные чаще всего представляют собой авторские неологизмы, которые характеризуются сравнительно низкой частотностью употребления, служат для выражения определенной интенции писателя в рамках конкретного произведения и не фиксируются словарями литературного языка. Однако среди префиксальных отыменных прилагательных имеются и такие, которые, в силу их культурной значимости стали достоянием всей нации и даже вошли в лингвокультурный фонд других народов, как, например, прилагательное *Pre-Raphaelite* (праерафаэлитский, характерный для праерафаэлитов) и совпадающее с ним по форме существительное *Pre-Raphaelite/s* (праерафаэлит/ы).

В данной работе поставлена цель выявить основные префиксальные модели образования отыменных прилагательных и попытаться установить спектр семантических значений префиксов в контекстуальных реализациях прилагательных в произведениях современной британской художественной прозы и в публицистике.

Отметим, что в современном английском языке для образования производных прилагательных от прилагательных используются следующие префиксы: *a-*, *ab-*, *anti-*, *counter-*, *de-*, *dis-*, *hyper-*, *il-*, *im-*, *in-*, *inter-*, *ir-*, *mis-*, *non-*, *over-*, *pre-*, *sub-*, *super-*, *un-*, *under-* (2) Значительная часть этих префиксов несет значение отрицания признака - *normal- abnormal*, *able –unable*, *agreeable-disagreeable*, *legal-illegal*, *perceptible-imperceptible*, *compatible- incompatible*, *standard- non-standard*. Другие префиксы передают значение повышения (понижения) степени выраженности признака: *active-hyperactive*, *human- superhuman*, *heated - overheated normal- subnormal*, *developed- underdeveloped*. Особняком стоит префикс *pre-*, имеющий значение предшествования. Префикс *post-*, означающий следование за указанным периодом, часто вообще не упоминается, хотя с его помощью образовано, частности, такое прилагательное как *post- modern*.

Анализ произведений современной художественной прозы британских писателей, а также изучение современной публицистики позволил выделить основные префиксальные модели образования прилагательных, а именно, с использованием префиксов *un-*, *sub-* и *pre-/post-*.

1. Прилагательные, образованные с помощью префикса *un-*.

Отыменные прилагательные этого типа, зафиксированные в художественных текстах, образуются от прилагательных, оформленных суффиксом *-like*, причем выделяются две разновидности в зависимости от типа производящего существительного : прилагательные, образованные от имени собственного - имени лица и прилагательные, образованные от имени собственного - названия товарного знака изделия.

Пример 1. *un-Julia-like*

This morning there was genuine and touching concern for his welfare in her voice, whereas last night there had been *un-Julia-like* defeat when he phoned to tell her what had happened (1, 209).

В примере 1, автор, Кейт Аткинсон, использует неологистическое отыменное прилагательное, которое можно перевести как «совершенно не характерный для Джулии», героини, с которой у Джексона складываются непростые отношения. Интересно, что в тексте романа встречается и исходное прилагательное *Julia-like*, которое также является авторским неологизмом.

Пример 2. *Julia-like*

“We Do What You Want Us To DO!” A *Julia-like* exclamation mark. Jackson wondered if that was strictly true” (1, 324).

Рассматривая девиз фирмы, герой романа думает о своей возлюбленной Джулии и думает, что она бы также поставила в конце этой фразы восклицательный знак. Использование в тексте романа этих антонимов (похожий и непохожий на Джулию) наводит читателя на мысль о том, что герой постоянно думает о ней, пытается ее понять и, как становится ясным в конце романа, ему это не удастся – настоящая Джулия оказывается совсем не той Джулией, которую Джексон сам себе придумал.

Вторая разновидность авторского отыменного прилагательного (пример 3) содержит в себе имя собственное – название фирменного изделия, плаща.

Пример 3. *unDannimac-like*

Tatiana shivered and Gloria offered the girl her own three-quarter-length green *Dannimac*. It made Gloria look like the clone of every other middle-aged woman, but on Tatiana the coat gained a strange *unDannimac-like* glamour(117).

В примере 3 автор предваряет неологистическое прилагательное *unDannimac-like* упоминанием исходного имени собственного – названия плаща по имени фирмы-производителя – *Dannimac*. Прилагательное с отрицательным префиксом служит для создания контраста между двумя женщинами, на одной из которых этот плащ – принадлежность уже не молодой представительницы среднего класса, и второй – молодой девушкой, на которой даже неброский плащ выглядит нарядно, не как обычный плащ этой марки.

В публицистических текстах было выявлено большое количество примеров на прилагательное *un-Dickensian/unDickensian*, не встречавшихся в художественных текстах.

2. Прилагательные, образованные с помощью префикса *sub-*.

В словаре прилагательных аффиксального образования приводятся два таких прилагательных: *sub-Worthworthian* и *sub-Marxist*, со следующим комментарием: данный префикс используется в неофициальном стиле речи для указания на то, что нечто уступает по качеству тому, что обозначено именем собственным (It can be used informally to suggest something is an inferior version of another’s style) (2).

В нашем материале имеется только одно префиксальное прилагательное такого типа – *sub-Dickensian*, представленное в примере 4.

Пример 4. *sub-Dickensian*

Did other people spend their time daydreaming about a better version of the everyday? No one ever talked about the life of the imagination, except in terms of some kind of Keatsian high art. No one mentioned the pleasure of picturing yourself sitting in a deckchair on a lawn, beneath a cloudless midsummer sky, contemplating the spread of a proper, old-fashioned afternoon tea, prepared by a cosy woman with a mature bosom and spotless apron who said things like ‘Come on now, eat up, ducks,’ because this was how cosy women with mature bosoms spoke in Martin’s imagination, an odd kind of *sub-Dickensian* discourse (28).

В примере 4 используется префиксальное прилагательное *sub-Dickensian*, которое не является авторским неологизмом писательницы. Оно фиксируется Британским национальным корпусом в сходном значении “

плохая копия, подражание стилю Диккенса» (the numerous sub-Dickensian accounts of reeking slums and low-life villainy). Аналогичные употребления можно встретить в статьях The Guardian, например, a completely invented sub-Joycean text (3).

Возвращаясь к примеру 4, нельзя не отметить, что реализации указанного значения способствует наличие в микроконтексте оценочного эпитета *odd*, а еще выше описания идиллической сцены, порожденной фантазией героя, который не может найти себя в реальном мире и постоянно погружается в мир своих грез. Однако его мечты не из ряда возвышенных, которые ассоциируются с высокой поэзией Джона Китса (Keatsian high art) - это мечты одинокого человека об уютной семейной жизни, которой он лишен. Таким образом, можно видеть, что оба отыменных прилагательных выполняют стилистическую функцию создания контраста.

3. Прилагательные, образованные при помощи префиксов *pre-* и *post-*.

В исследованных нами художественных текстах встречалось только одно прилагательное с этим префиксом – *Pre-Raphaelite*, причем часто в сочетании с существительным *hair*. Оксфордский словарь английского языка дает такое определение прилагательного *Pre-Raphaelite*: relating to the Pre-Raphaelites, (especially of women) suggesting Pre-Raphaelite painting in appearance, typically with long, thick, wavy auburn hair and pale skin. Примеров с префиксом *post-* найдено не было.

В публицистических же текстах, напротив, встретилось большое количество прилагательных, образованных с помощью этих префиксов: *pre-Dickensian Scrooge*, *pre-Newtonian science*, *pre-Shakespearean drama*, *a post-Trumpian world*, *post-Elizabethan England*, *post-Shakespearean version of the Troilus story*.

Кроме указанных префиксов в публицистических текстах встречались и другие префиксы, которые не были выявлены в художественных текстах, а именно, *anti-*, *pseudo-* и *quasi-*: *all things anti-Trumpian*, *pseudo-Byronic silliness*, *a quasi-Elizabethan staging*.

В заключение следует отметить, что префиксальное образование отыменных прилагательных представляет собой весьма интересное явление, нуждающееся в дальнейшем изучении.

Список литературы

1. Atkinson K., *One Good Turn*. Black Swan, London, 2015, 541.
2. <http://w.w.w.affixes.org/e/-ean.html>
3. <http://w.w.w.theguardian.com>

СЕКЦИЯ №20.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ

Хвостенко Т. А.

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА

им. К. И. Скрябина, г. Москва

Практика показывает, что наиболее успешными в профессиональном мире являются квалифицированные специалисты, владеющие иностранным языком. Практическое владение иностранным языком, с одной стороны, способствует повышению уровня профессиональной компетенции специалиста, с

другой – предполагает умение осуществлять некоторые аспекты профессиональной деятельности: ознакомление с новыми технологиями и тенденциями в сфере своей будущей профессии, установление контактов с зарубежными партнёрами.

В связи с этим студентам высших учебных заведений необходимо приобрести такой уровень иноязычной профессиональной компетенции, который позволил бы им пользоваться иностранным языком в качестве не только дополнительного средства повышения своей квалификации, но и формирования профессиональной мобильности и высокой востребованности.

В этих условиях возникает потребность в мультилингвальном образовании, то есть в возможности изучении не одного, а двух и более иностранных языков. Языком международного общения в современном мире считается английский язык. Число изучающих английский оценивается в настоящее время примерно в 1 млрд. человек. Для современного человека знание английского языка, так же как компьютерная грамотность, является насущной необходимостью [3].

Одним, из наиболее востребованных языков, изучаемых в качестве второго, является французский. Существуют единые исходные теоретические позиции, общие закономерности обучения французскому языку на базе английского.

Как показали многочисленные научные исследования, проблемы мультилингвального обучения крайне сложны. Овладение вторым иностранным языком происходит в условиях формирования субординативного трилингвизма, т.е. один язык (родной) изучается в естественных условиях, а два иностранных – в искусственных. Подобное мультилингвальное обучение определяет как особенности овладения вторым иностранным языком, так и технологию обучения последнему [1]. Преподавание второго иностранного языка во многом отличается от изучения и преподавания первого. Учёные-лингвисты, психологи, а также преподаватели-практики накопили значительный опыт в выявлении того, что благоприятствует его усвоению, а что тормозит его правильное изучение. Один из факторов – опыт изучения предыдущего иностранного языка, приёмы работы, умение переключаться с одной языковой системы на другую. При этом неизбежны как перенос (положительное влияние) навыков изучения языков, так и интерференция (отрицательное влияние) [2].

Важнейшими психолингвистическими закономерностями овладения вторым иностранным языком являются: широкое действие психологического переноса; возможность сделать обучение более интенсивным; готовность учащихся к большей самостоятельности в обучении; их высокая активность [4].

Особенностью методики обучения второму иностранному языку является не предотвращение интерференции, а необходимость обеспечить положительный перенос, для чего существуют все необходимые предпосылки. Изучающий второй иностранный язык осуществляет перенос на многих уровнях, оптимизируя, таким образом, свою учёбу. На начальном этапе обучения второму иностранному языку учащиеся владеют общими учебными умениями. К таким умениям относятся наблюдение, сравнение, следование алгоритмам деятельности, умения поиска информации и т.д.

Стимулирование переноса позволяет значительно оптимизировать учебный процесс, ускорить его, сделать более приятным для учащихся.

При изучении французского языка в качестве второго, можно говорить об использовании положительного переноса из английского языка. Несмотря на то, что французский язык относится к романской группе, а английский- к германской, между ними наблюдается множество сходных явлений, что обусловлено историческими причинами. Наибольший перенос из английского языка во французский отмечается в области лексики, так как большинство слов английского языка заимствованы из латинского и

французского языков. С другой стороны, значительное количество англицизмов проникло за последние годы во французский язык, особенно в области специальной терминологии, названии бытовых предметов.

Большое количество слов общего корня, интернационализмов облегчает запоминание, способствует догадке о значении незнакомых слов, имеющих сходство с соответствующими английскими словами, пополняя потенциальный лексический запас учащихся [4].

économie-économie-экономика; demande-demand-спрос; volume-volume-объем.

Кроме большого пласта общей лексики, наблюдается также употребление французских и английских слов с одинаковым значением в сходных ситуациях. Например, в словосочетаниях *par cœur* и *by heart* (наизусть) употребляется существительное «сердце». Зная употребление английских глаголов *to speak* и *to say*, легко понять употребление глаголов *parler* и *dire*.

«*I speak French*», «*Je parle Français*». «*I say «Hello»/«Je dit «Salut»*». Глаголы *to leave* и *quitter* имеют в обоих языках как значение «оставлять, покидать», так и «уезжать из...». *Je quitte Paris, Nous quittons nos amis, I leave Paris, I leave my friends.*

Большое сходство наблюдается в случае употребления предлогов *de* и *of*, *dans* и *in*, *à* и *to*.

Помимо сходства в лексическом составе, можно проследить примеры сходства в морфологии.

В английском и французском языках для определения имени существительного употребляется артикль. Но так как во французском языке система артиклей гораздо более сложная, чем в английском, сходство наблюдается только в случаях употребления неопределенного и определенного артиклей, а также в случае их неупотребления.

She has a sister/Elle a une soeur.

She is a good actress/ Elle est une bonne actrice;

Close the door/ Fermez la porte.

Английские притяжательные местоимения и французские притяжательные прилагательные употребляются в одном лице и числе с обладателем предмета:

It's my house/C'est ma maison. It's their flat/C'est leur appartement.

Во французском, как и в английском языке, после глаголов чувственного восприятия употребляются инфинитивные конструкции:

I never saw him cry/Je ne l'ai jamais vu pleurer.

Сравнительная степень французских прилагательных образуется так же, как сравнительная степень двусложных и многосложных английских прилагательных- при помощи наречий *more- plus* (более), *less- moins*(менее): *more beautiful/plus beau, less interesting/moins intéressant*: Для образования превосходной степени сравнения используются определенные артикли: *the/le, la, les*:*the most beautiful/le plus beau.*

Пассивный залог в английском и французском языках образуется однотипно: *To be + past participle/être +participe passé.*

The letter was written/la lettre fut écrite.

В области синтаксиса также наблюдается множество сходных явлений.

Английский и французский языки имеют ярко выраженные признаки аналитического строя. Основными средствами выражения грамматических отношений являются служебные слова (предлоги, вспомогательные глаголы) и порядок слов. Фиксированный порядок слов – одно из основных средств выражения синтаксических связей в структуре предложения. В синтаксической системе обоих языков присутствуют личные, безличные, неопределенно-личные предложения, широко употребляются обороты со значением: «имеется, находится, существует» *there is/are il y a.*

*It's three o'clock/Il est trois heures. I
They say he is ill/On dit qu'il est malade.
There is a book on the table/Il y a un livre sur la table.*

Однако, даже в общих категориях первого и второго иностранных языков существует ряд различий, на которые важно обратить внимание учащихся с самого начала. Так, при ознакомлении с новыми лексическими единицами особое внимание необходимо уделять произносительной стороне слов общего корня, так как в произношении этих слов проявляется наибольшее влияние интерференции первого иностранного языка (перенос ударения на первый слог: *prison- prison*; чтение букв *g* и *j* как [dz]): *village-village*; *justice- justice*. Артикуляционная база наиболее подвержена интерферирующему влиянию фонетических навыков, сформированных в первом иностранном языке [2].

Наличие общих черт в языках способствует полному переносу явлений первого иностранного языка на сходные явления второго иностранного языка, что и вызывает ошибки. Наибольшие трудности возникают при употреблении артиклей во французском языке, при спряжении глаголов 3 группы, требуется опора на родной язык при изучении темы местоимений-дополнений: *le, la, les, leur, lui*.

Особое внимание при обучении грамматике следует обратить на различие в употреблении некоторых глагольных форм. Хотя существует ряд аналогий в употреблении *plus- que-parfait/past perfect*; *futur dans le passé/future in the past*, имеются расхождения в употреблении *passé composé/present perfect* и *past continuous/Imparfait*.

Таким образом, несмотря на общность категорий, тренировка грамматических явлений второго иностранного языка не должна быть менее интенсивной, чем в первом иностранном языке.

Итак, основным подходом при обучении второму иностранному языку является сравнительно-сопоставительный подход на сознательной основе, что служит интенсификации процесса обучения. Однако, оставаясь одним из основополагающих принципов на протяжении всего курса обучения, он играет разную по значимости роль [1]. С развитием умений и навыков во втором иностранном языке, увеличением объёма усвоенного языкового материала происходит постоянное уменьшение влияния первого иностранного языка на второй. Со временем учащиеся начинают осознавать внутренние законы построения системы французского языка, у них формируется «чувство языка». На продвинутых этапах учащиеся запоминают и употребляют новые лексемы не только по формальному сходству со словами первого иностранного языка, но и по ассоциативным связям с уже известным во втором иностранном языке.

Сознательная работа над вторым иностранным языком может, в свою очередь, помочь и в работе над первым иностранным языком, что способствует приобретению опыта в изучении иностранных языков.

Список литературы

1. Барышников, Н. В. Методика обучения второму иностранному языку в школе / Н. В. Барышников. – М.: Просвещение, 2003, С. 197-200.
2. Ветрова Н. В. Применение положительного переноса из английского языка при изучении французского как второго иностранного / Н. В. Ветрова// Вестник Ивановского государственного энергетического университета, 2011, N Вып. 3.
3. Н. Н. Дробышева, Е. Б. Монахова Иностраный язык как фактор востребованности специалистов на рынке труда в условиях глобализации / Проблемы языка в глобальном мире: монография / под ред. Е. В. Ганиной, А. Н. Чумакова. – Москва: Проспект, 2016, С. 196.

4. А. В. Щепилова Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному /
А. В. Щепилова. – М.: ВЛАДОС, 2005, С. 41-46.

СЕКЦИЯ №21.

**КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)**

СЕКЦИЯ №22.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)

СЕКЦИЯ №23.

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ
И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)**

СЕКЦИЯ №24.

**ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)**

СЕКЦИЯ №25.

**ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ,
АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ
(С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)
(АНГЛИЙСКИЙ, НЕМЕЦКИЙ, РУССКИЙ И ЯКУТСКИЙ ЯЗЫКИ)
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)**

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ
ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Борисова Д. С., Павлова С. Н.

Северо-Восточный Федеральный Университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск

Целью нашего исследования является анализ особенностей использования синтаксических средств в рекламных текстах (РТ) на разных языках. Особенности синтаксиса РТ с точки зрения его экспрессивности рассматривались в трудах таких ученых как Е. В. Медведева, Н. С. Валгина, К. А. Рогова, О. В. Александрова и др. [2], но сравнение на уровне разных языков не проводилось, что обуславливает актуальность выбранной нами темы. В качестве материала для исследования было отобрано 100 рекламных текстов из таких журналов как Cosmopolitan, Yes, Brigitte, Der Spiegel, Лиза, Далбар Хотун, газеты Кыым и др., а также якутского национально-вещательного канала «НБК Саха».

Рекламный текст представляет собой пример максимально эффективного использования языковых средств. Прагматический аспект РТ непосредственно проявляется в его своеобразной организации - выборе грамматических и лексических единиц, стилистических приемов, особом синтаксисе,

организации печатного материала, использовании элементов различных знаковых систем. В основе создания рекламных текстов лежат две тенденции: сжатость, лаконичность выражения и выразительность, емкость информации [4].

Исследуя информационный состав рекламы, мы можем сформулировать ее коммуникативное задание следующим образом – реклама должна:

1. сообщить реципиенту новые достоверные сведения (когнитивная информация);
2. обеспечить надежность усвоения реципиентом этих сведений, воздействуя на его эмоции и память (эмоциональная информация);
3. усилив эту надежность тем удовольствием, которое реципиент получит от текста (эстетическая информация) [1].

Глубина фраз в рекламных текстах не превышает 12-15 словоупотреблений (с учетом служебных слов), т.к. краткие фразы воспринимаются и запоминаются легче. Составители рекламных текстов ориентируются на средний объем оперативной памяти человека в 72 единицы. С глубиной фразы связано явление парцелляции - учащенное членение фраз, повышающее число значимых элементов в тексте посредством оформления их в отдельные предложения. Н. С. Валгина считает, что расширение круга расчлененных и сегментированных синтаксических построений является тенденцией в современном русском синтаксисе [1: с. 184]. Экспрессивный потенциал парцелляции определяется ритмическим параллелизмом конституирующих частей парцелированного высказывания, основанным на тождестве их тональных характеристик и акцентно-слоговых структур.

1. Печенье от Nestle:

This morning, my boyfriend left me. For my mother.

2. Журнал Brigitte:

In diesem Heft

Die neue Diät

Individuell. Unkompliziert.

Für alle Lebenslagen.

Im praktischen Drittel:

Über 360 Lebensmittel.

3. Поискковая система Яндекс:

Для хорошей рекламы необходимо всего несколько слов. Ключевых.

4. Газета Кыым:

Кыым – саха тыллаахха тыын.

Обилие в рекламе простых предложений, чаще номинативного характера, парцелляция, перечисление, повтор, анафорические конструкции создают и поддерживают особый динамичный ритм, характерный для жанра рекламы.

Благодаря такому построению текста отчетливо ощущается несколько отрывистая ритмичность, динамичность, которые необходимы для того чтобы создать необходимый настрой и оказать воздействие на покупателя.

Эллипсис является средством компрессии в рекламе и отражает стремление воздействовать на адресата с помощью минимальной эксплицитной информации.

5. Тушь для ресниц от Covergirl:
Want to make the other mascaras jealous? Throw' em a curve.
6. Лекарственный препарат Crestor:
Is your cholesterol out of whack? Bad cholesterol high? Good cholesterol low? Crestor can help with both.
7. Краска для волос Casting от L'Oreal:
Meine neue Liebe?
8. Телефонная связь Arcor:
Die Sonne geht auf, der Preis runter.
9. Спортивная одежда Nike:
Где твой стресс? Отдыхает.
10. Услуга фото @mail.ru:
Побывали в далеких странах? Накопилось много интересных фотографий?
11. Туристическая компания Якутии:
„Аргыс Тур“ – эн оло5ун арахсыспат аргыһа.
12. Журнал „Катан“:
Катан – о5о-аймах, ыччат сайдам сурунаала.
Функция воздействия в области синтаксиса реализуется в стилистических фигурах. Наиболее часто используемыми стилистическими фигурами являются:
 - инверсия - экспрессивная акцентуация за счет тема-рематических перестановок [2: с. 671]. С целью эмфатического выделения какого-либо члена предложения.
13. Massachusetts General Hospital Heart Center:
Beyond this door, there's no such thing as too much experience.
14. Журнал Schoner Wohnen:
Sie wollen zu Hause mehr Natürlichkeit? Lasst sich einrichten.
15. Автомобиль Citroen C6:
Sie glauben an Wiedergeburt? Hier steht der beweis.
16. Духи от Givenchy:
Одна она это знает.
17. Маска для волос от L'Oreal:
Ваши длинные волосы потускнели? За 1 минуту выйдите из тени на свет.
18. Пенсионный заём ГИК Финанс:
Харчы кыһал5а буолбатах. Солуога уонна мэктиэлээччитэ суох иэс ыл.
 - синтаксический параллелизм - одинаковое синтаксическое и интонационное построение следующих непосредственно друг за другом предложений. Повторяемость является одним из основных принципов подачи языкового материала в рекламе. Повтор однородных членов предложения, например, служит для всесторонней характеристики товара и для нагнетания эмоционального напряжения, синтаксический параллелизм несет эстетическую нагрузку (поддержание интереса), усиливает высказывание, сохраняет ритм.
19. Автомобиль Ford Focus:
Clutch Shift, Gas. Clutch Shift, Gas. That's right, Work it.
20. Продукты питания от SchneeKorpe:

Wenn wir auf unsere Ernährung achten, achtet unsere Ernährung auch auf uns. 18. T-systems: Daten? Sicher! Netze? Sicher! Erfolg? Sicher! Mit Real ICT von T- systems.

21. Тональное средство от Estee Lauder:

Ваш оттенок. Ваша текстура. Ваш образ.

22. Якутская национальная посуда “Комулуок”:

Комулуок сана иһитэ, алааспыт ахталбана

Комулуок сана иһитэ, саха киһитин уоруутэ.

Основная задача рекламодателя в процессе коммуникации с потенциальным партнером - вызвать определенные изменения в его поведении. Успех рекламного текста во многом зависит от использования в нем синтаксических средств. Интересное, необычное использование синтаксических структур привлекает внимание, от того, как построен РТ зависит, будут ли он вообще прочитан. Приведенные примеры из разных языков показывают, что в рекламных текстах на английском, немецком, русском и якутском языках выбранные для исследования синтаксические конструкции представлены неодинаково. Более широкое использование синтаксического повтора характерно для английского, немецкого и якутского языков.

Повтор служит для сцепления отдельных предложений или частей одного предложения и является средством экспрессивного синтаксиса. В русском языке различные виды синтаксического повтора встречаются не так часто.

Во всех четырех языках такие синтаксические средства как парцелляция и эллипсис используются в большей или меньшей мере одинаково и выполняют те же функции. Инверсия шире всего представлена в немецком языке, крайне мало рекламных текстов с инвертированным порядком слов представлено в английском и якутском языках. Помимо отобранных для исследования синтаксических средств: синтаксический повтор, парцелляция, эллипсис, инверсия, в рекламных текстах на английском, немецком, русском и якутском языках используются также и другие синтаксические средства: градация, риторический вопрос, восклицательные предложения, прямая речь, вопросно-ответные конструкции, особая пунктуация. Также наблюдается комбинирование различных выразительных средств разных языковых уровней.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. - СПб.: «Союз», 2004. –
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М., Изд-во “Логос”, 2001. – 304с.
3. Гаврильев И. И. Кыым. – Я.: ООО «Медиагруппа Ситим», 2016. – 48 с.
4. Харлампьева Н. И. Далбар Хотун. – Я.: «Сахабэчээт», 2016. – 30 с.
5. www.vipdisser.com
6. <http://ligvoskop.iatp.by>

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2017 ГОД

Январь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны»**, г. Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2017г.

Февраль 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом»**, г. Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2017г.

Март 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы современных гуманитарных наук»**, г. Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2017г.

Апрель 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках»**, г. Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2017г.

Май 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук»**, г. Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2017г.

Июнь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Современные проблемы гуманитарных наук в мире»**, г. Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2017г.

Июль 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук»**, г. Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2017г.

Август 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Новые тенденции развития гуманитарных наук»**, г. Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2017г.

Сентябрь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Гуманитарные науки в современном мире»**, г. Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2017г.

Октябрь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы гуманитарных наук»**, г. Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2017г.

Ноябрь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития»**, г. Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2017г.

Декабрь 2017г.

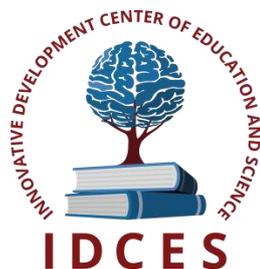
IV Международная научно-практическая конференция **«Перспективы развития современных гуманитарных наук»**, г. Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2018г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Гуманитарные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Перспективы развития современных гуманитарных наук

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 декабря 2016 г.)**

г. Воронеж

2016 г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 10.12.2016.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,6.
Тираж 250 экз. Заказ № 125.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58